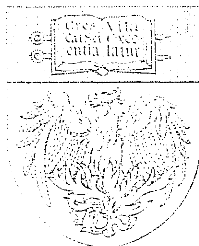
RUMIANTSEV

Crescat Scientia Vita Excolatur

Н. РУМЯНЦЕВ

ЖИЛ ЛИ ИИСУС ХРИСТОС

Printed in Soviet Union

ОГИЗ — 1938 — ГАИЗ

Н. РУМЯНЦЕВ

ЖИЛ ЛИ ИИСУС ХРИСТОС

Printed in Soviet Union

ОГИЗ - 1938 - ГАИЗ

Н. РУМЯНЦЕВ

ЖИЛ ЛИ ИИСУС ХРИСТОС

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ДОПОЛНЕННОЕ

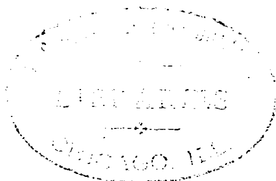
ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1938

В книжке приводятся научные до-
казательства сказочности, неисторич-
ости Иисуса Христа и объясняются
ричины возникновения его мифоло-
ического образа.
Книжка рассчитана на подготов-
енного читателя.

Отв. редактор **А. Ранович**
Техн. редактор **М. Санская**

Уполномочен. Главлита Б-49010
Сдано в набор 9/X-1938 г. Подпис.
к печати 13/XI-1938 г. Тир. 20.000
Бумага 60×92 1/16. Печ. л. 3,5. Уч. авт.
л. 3,7. Инд. Б—1. Гаиз № 42. Заказ
типографии 2322.

Шк. ФЗУ ОГИЗа треста „Полиграф-
книга“. Москва, Хохловский, 7.

Введение

По учению христианской церкви, христианская религия была сснована девятнадцать веков назад Иисусом Христом, богочеловеом и сыном божьим, божеством, «единосущным» богу-отцу. Этот ог Иисус, как утверждает церковь, некогда родился на земле от кенщины, жил на земле во плоти человека, проповедывал людям овые пути спасения, творил чудеса, основал первую общину своx последователей—христиан, заложил основы церкви. Далее церовные книги рассказывают, что подвергшись преследованиям со тороны земных властей, Иисус был арестован, осужден, предан мертной казни на кресте и погребен, а затем чудесно воскрес и ернулся к своему небесному отцу.

Церковное учение об Иисусе Христе как об исторически жившем верхъестественном существе — богочеловеке — явно противоречит дравому смыслу и естественным законам природы. Уже в первые ека христианства не все христианские секты соглашались принать за истину возникавшие мифы о земной жизни Иисуса. Некоорые секты считали его чисто небесным существом, другие читали, что Иисус имел не реальное, физическое тело, а лишь какущееся, призрачное, что на самом деле он не рождался, не страал и не умирал. Эти христиане (они названы докетами от гречекого слова «докейн» — «казаться») были объявлены «еретиками».

В настоящее время сказки о Христе вызывают сомнения даже людей, ослепленных верой, ищущих в религиозной фантазии утешения от гнета капиталистического мира. Поэтому буржуазные сторики пытаются создать новый, более правдоподобный образ Иисуса, вычеркивая из библейских сказок об Иисусе все чудеса, тобы «спасти все, что еще можно спасти». Конечно, говорят они, непорочное зачатие, воскресение из мертвых, претворение воды в вино и прочие чудеса — чепуха. Этого не бывает. Иисус, говорят они, был просто проповедником новой религии, о котором позднее стали рассказывать всякие небылицы. Нашлись и такие попы,—а с ними соглашается и ренегат Каутский, — которые утверждают, будто Иисус был «бунтарем» и возглавлял революционную борьбу еврейской бедноты в Палестине. Наконец, некоторые германские фашисты, используя образ Христа в своих погромно-«расистских» интересах, изображают его «чистокровным арийцем» и махровым воинствующим антисемитом.

Таким образом, и правоверные церковники, и буржуазные историки вместе с Каутским, и фашистские погромщики рисуют разные

образы Христа. Но все они сходятся между собой в признании Иисуса исторической личностью, подлинным основателем христианства. А сходятся они между собой потому, что все они служат эксплоататорскому классу, заинтересованному в сохранении влияния христианской религии на массы.

Только марксистская историческая наука, ставящая себе задачей подлинное просвещение трудящихся масс, правильно отвечает на вопрос о том, как и почему возник образ бога Иисуса. Она доказывает, что церковники, буржуазные историки и «иже с ними» сознательно, умышленно искажают исторические факты и рисуют совершенно неверную картину возникновения христианства.

Неопровержимыми фактами историческая наука установила, что Иисус Христос на самом деле никогда не был реальным человеком, исторической фигурой, а тем более божеством во плоти: он — личность неисторическая, религиозно-фантастический образ, который сложился в фантазии верующих и постепенно был наделен чертами человека.

Состояние Римской империи в I веке

Христианство возникло в Римской империи в I в. Империя делилась тогда на Италию со столичным городом Римом и на провинции, которые охватывали собою почти всю Западную и Южную Европу, Северную Африку, Палестину, Сирию, Малую Азию и острова Средиземного моря. Это огромное государство образовалось в результате завоевания и покорения Римом соседних стран и народов.

Примерно половину его населения составляли рабы. Свободные делились на римских граждан и на неграждан. К негражданам, или подданным, относились свободные жители провинций. Согласно произведенной в 14 г., при императоре Августе, переписи свободного населения империи, полноправных граждан тогда было около 5 млн., а провинциальных подданных—около 55 млн.

В покоренных странах — провинциях римское завоевание разрушило существовавший у них политический строй и прежние общественные условия жизни. Управляли провинциями чиновники, назначаемые из среды римской знати. Судились провинциалы римскими судьями на основании римских законов. Провинции задыхались под тяжестью налогов, поборов и прямого грабежа со стороны римских чиновников.

В Египте, например, существовало, кроме двух главных налогов — поземельного и подушного — еще около 210 других. Жители острова Сицилии в порядке натуральных повинностей ежегодно выплачивали Риму только зернового хлеба 3 млн. модиев (модий = 8,75 литра).

Самым многочисленным трудящимся классом были рабы, составлявшие половину населения империи: их число доходило до 60 млн. В г. Риме при 600 тыс. граждан было 900 тыс. рабов. Рабы работали в рудниках и каменоломнях, в обширных имениях (латифундиях) богачей, в ремесленных мастерских, в качестве домашней прислуги и т. д.

Рабовладельцы, используя дешевый труд рабов, разоряли мелких собственников—крестьян и городских ремесленников. Земли разорявшихся крестьян попадали в руки крупных рабовладельцев, причем крестьяне оставались на земле в качестве зависимых от землевладельцев арендаторов или шли в города и становились в ряды люмпен-пролетариата.

Рабы считались вещью хозяина, рабочим скотом и подвергались беспощадной эксплоатации. Их труд был малопродуктивен. Рабовладельцы пытались поднять доходность своих хозяйств главным образом путем увеличения численности рабов и усиления их эксплоатации. Однако развитие производительных сил на основе рабства стало уже невозможным.

Во главе государства стояли императоры, которые были носителями диктатуры класса рабовладельцев, направленной против рабов и бедноты. Императорская власть уравнивала всех в бесправии. Особенно тягостно гнет ее ощущался в провинциях, но и в самом Риме даже высшие классы чувствовали на себе гнет императорского режима.

Конечно, и покоряемые провинции и разоряемое свободное население Италии, и основной эксплоатируемый класс рабов пытались сопротивляться гнету державного Рима. С середины II в. до хр. э. в Риме почти не прекращалась гражданская война.

Часто вспыхивали восстания в провинциях. С одной стороны, они были направлены против Рима и местных представителей его власти и носили, таким образом, национально-освободительный характер. С другой,—в этих восстаниях трудящиеся массы провинций боролись не только против завоевателей-римлян, но и против своих местных эксплоататоров. На стороне этих масс были и рабы. В свою очередь неимущие свободные часто поддерживали рабов в их классовой борьбе против рабовладельцев.

Римская республика в последние века своего существования, до образования империи, пережила ряд крупных восстаний рабов, грозивших гибелью рабовладельческому Риму. Важнейшими из них были: первое восстание рабов в Сицилии (136—132 гг.), восстание малоазиатских рабов под предводительством Аристоника (133—130 гг.), второе восстание рабов в Сицилии (104—100 гг.) и грандиозное восстание Спартака (73—71 гг.).

Ленин о Спартаке писал: «Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около двух тысяч лет тому назад. В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию»[1].

Рабовладельческий Рим всегда жил под страхом восстания рабов и бедноты. Миллионы рабов и выступавшая совместно с ними беднота представляли революционную силу, которая впоследствии уничтожила рабовладельческий строй и ликвидировала рабовладель-

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 371.

цев. Но в I в. государственная машина империи была еще сильна, а кроме того рабы «не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут»[1]. Поэтому многочисленные восстания рабов, бедноты и покоренных народов кончались неудачами и заливались потоками крови.

Все эти обстоятельства — всеобщее бесправие и приниженность, разорение масс, чувства бессилия и отчаяния в результате поражения восстаний против рабовладельцев — порождали и поддерживали в массах повышенную религиозность. Взоры угнетенных и обездоленных с тоской и надеждой обращались от земли к небу. Среди отчаявшихся масс в первые века империи стала укрепляться вера, что только боги или божественный спаситель могут облегчить их положение, создать для них лучшие условия существования.

Явилась потребность в такой религии, которая давала бы «духовное утешение» всем обездоленным. Старые религии для этого не годились.

Крах национальных религий

Религия, которая давала бы призрачное утешение всем социально-обездоленным слоям населения, вместе с тем должна была отразить факт образования мировой империи, подавлявшей все местные национальные особенности, сводившей все к одному уровню. Мировая империя, — писал Энгельс, — должна была быть дополнена мировой религией.

Могла ли какая-либо из национальных религий многочисленных народов Римской империи стать такой мировой религией, несшей с собой для всех отчаявшихся надежду на лучшее будущее?

Нет, не могла.

«Вместе с политическими и социальными особенностями народов, — пишет Энгельс, — Римская империя обрекла на гибель и их особые религии. Все религии древности были первобытными племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и тесно срослись с ними. Раз была разрушена эта их основа, сломаны унаследованные общественные формы, стародавнее политическое устройство и национальная независимость, то, разумеется, рушилась и связанная с ними религия. Национальные боги могли терпеть других национальных богов рядом с собою, — и в древности это было общим правилом, — но отнюдь не над собой... Коль скоро национальные божества не могут уже более защищать независимость и самостоятельность своей нации, они и сами гибнут» [2].

Римское завоевание, положившее конец государственной самостоятельности многочисленных народов и стран, разрушившее их

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 375.

[2] Энгельс — Бруно Бауэр и раннее христианство. Соч., т. XV, стр. 607—608.

прежний общественный строй и политические учреждения, нанесло смертельный удар и их национальным религиям. Национальные религии и божества теряли свой кредит у верующих, лишались своих почитателей и сходили с исторической сцены.

Далее, в национальных религиях покоренных Римом народов наряду с почитанием главных божеств видное место занимали еще родовые и семейные культы предков. Но в этих культах не могли принимать непосредственное активное участие лица, не связанные между собою общностью родовых преданий, а в особенности разноплеменная масса рабов.

Так например, в Греции пришлые иностранцы и рабы не допускались на священные пиры, участие в которых являлось признаком принадлежности к культу, все равно, публичному или частному.

А ведь в условиях всеобщего отчаяния в Римской империи I в. потребность в религиозном утешении испытывали прежде всего и в первую очередь именно многочисленные слои городской бедноты и рабов.

Не могла стать мировой религией и удовлетворить эти массы государственная религия самого Рима.

Прежде всего эта религия по существу была тоже религией национальной, скроенной по узкой мерке города Рима. Юпитер Капитолийский, Марс, Венера-Родительница, Квирин, Янус и другие верховные божества этой религии были в первую очередь и по преимуществу божествами державного Рима и его правящей рабовладельческой верхушки.

Для многомиллионной массы покоренных жителей провинций, не говоря уже о рабах, религия Рима была религией захватчиков, поработителей и эксплоататоров и как таковая тоже не могла нести утешения широким, обездоленным слоям населения империи. К тому же отправление государственного культа в Риме и на местах в империи находилось в руках представителей высшего, господствующего сословия.

Узконациональная религия римлян с ее божествами отнюдь не могла сделаться религией для всех в многонациональной империи. Кроме того, в I в. на ней уже заметно сказывалась также критическая работа философского просвещения, которое или высмеивало римских богов, вышучивало различные мифы (сказания) о них, или прямо отрицало существование богов вообще и выставляло самое религию продуктом шарлатанства жрецов.

Мероприятия императора Августа, который пытался путем административного давления сверху и некоторыми другими средствами всюду насадить государственную религию Рима и поднять ее престиж, не удались и удаться не могли.

Императорский культ в Римской империи

Одной из попыток создать для мировой Римской империи мировую религию был императорский культ, т. е. почитание римских императоров как богов.

Еще за много веков до начала хр. э. в Египте, Ассирии, Вавилонии, Персии и некоторых других государствах Востока было

выработано религиозно-политическое учение, будто цари являются сынами богов, богочеловеками, божествами при жизни на земле и после смерти. Учение это особенно насаждали и поддерживали жрецы и сами цари, так как оно освящало и укрепляло их власть.

С Востока это учение постепенно стало проникать и на Запад. К концу римской республики культ правителей и других политических деятелей был широко уже распространен на Востоке и Западе. Так, когда понтийский царь Митридат одержал победу над римлянами и на время освободил от них Малую Азию, местные жители провозгласили его «богом-отцом» и «богом-спасителем». Когда римские легионы окончательно покорили Грецию и Азию, то в целом ряде местностей божеским поклонением стали пользоваться различные римские полководцы и наместники.

Императорский культ устанавливали иной раз местные богачи из лести или же из чувства признательности за то, что полководцы и наместники защищали их от местной бедноты и рабов. Например, в Сицилии местными рабовладельцами были установлены религиозные празднества в честь наместника Верреса, который беспощадно грабил сицилийцев, пока не был разоблачен Цицероном. Жители области Киликии соорудили у себя храм наместнику Аппию, что не помешало ему разорить дотла всю область.

Культ правителей постепенно проник в Италию и даже в Рим. Прежде всего там был наделен чертами божества император Юлий Цезарь — после захвата им власти и установления своей диктатуры.

Сам Цезарь выводил свое происхождение от богини Венеры. Римский сенат рядом декретов постановил, чтобы еще при жизни Цезаря его статую носили вместе с изображениями главных богов во время религиозных процессий, чтобы был построен в самом Риме храм ему как божеству и чтобы была учреждена особая коллегия его жрецов.

Смерть диктатора в 44 г. до хр. э. не ослабила его культа. Блиставшая в дни похорон Цезаря яркая комета была истолкована в качестве чудесного знамения того, что его душа принята на небе в среду бессмертных богов. Ближайшие преемники Цезаря особенно его приемный сын и наследник Октавиан, ставший вскоре императором Августом, продолжали усиленно насаждать культ «бога Юлия». Им удалось этого частично добиться в самом Риме, в Италии, а также в некоторых провинциях.

При преемнике Цезаря — императоре Августе — господствующий класс рабовладельцев пытался сделать культ императоров мировой религией Римской империи, причем сам Август был объявлен земным божеством, богочеловеком. Были созданы сказки о его непорочном зачатии: будто бы он был рожден от бога Аполлона, который посетил его мать под видом змея.

Затем в честь Августа как бога стали строить всюду особые храмы, причем культ его переплели с культом богини Рима. День рождения Августа (23 сентября) был объявлен величайшим ежегодным праздником и днем нового года; его же именем был назван и один из месяцев (август).

Не так давно был найден в г. Приене декрет малоазиатских городов от 9 г. до хр. э., который устанавливал празднование в

этих городах дня рождения Августа, предписанное им римским наместником по распоряжению свыше. В этом декрете, похожем больше на религиозный гимн в честь божественного Августа, мы читаем:

«День этот (рождения Августа) придал всему миру новый вид; мир был бы обречен на гибель, если бы в лице родившегося ныне не воссияло общее счастье для всех людей. Правильно судит тот, кто видит в этом дне рождения начало жизни и всех жизненных сил; миновало, наконец, время, когда приходилось сожалеть о своем рождении. Провидение, царящее над миром, наделило этого мужа для спасения людей такими силами, что послало его нам и грядущим поколениям как спасителя; он положит конец войнам и все упорядочит. В его явлении исполнились надежды предков; он не только превзошел всех прежних благодетелей человечества, но и впоследствии никем не будет превзойден. День рождения этого бога был для всего мира началом благовестий («евангелий»), исходивших от него. С его рождения должно начинать новое времясчисление».

Таким божественным спасителем мира выставляли Августа римские рабовладельцы всему населению империи. Они рассчитывали объединить все слои и все национальности мировой Римской империи вокруг культа императора Августа. Когда Август умер, римский сенат еще раз особым декретом причислил его к лику богов и учредил новую жреческую коллегию — «августалов» — из высшей знати и из членов императорской семьи.

После смерти Августа римский сенат систематически объявлял божествами всех последующих императоров: кровавого Тиберия, безумного Калигула, полуидиота Клавдия, комедианта Нерона и др.

Однако насаждаемый административными мерами культ императоров как во времена Цезаря и Августа, так и после них никогда не сделался и не мог стать мировой религией. Ведь, по существу, он был культом лиц, считавшихся олицетворением и носителями военной диктатуры класса крупных рабовладельцев, — диктатуры, направленной против миллионных масс рабов и бедноты. Кроме того, он являлся культом господства и силы императорского Рима, который жил за счет беспощадного угнетения и эксплоатации всех покоренных им народов и стран.

Эллинистические таинства Сераписа и Изиды

Итак, ни гибнувшие национальные религии покоренных Римом народов, ни государственная религия самого Рима, ни императорский культ не могли сделаться единой и приемлемой для всех религией Римской империи. Не больше успеха имели выдвинувшиеся в ряде древних религий культы «страдающих, умирающих и воскресающих богов».

Большинство этих культов возникло на Востоке, часть — на Западе, особенно — в Греции. Вследствие взаимосмешения греческой и восточных культур эти культы тоже приняли смешанный греко-восточный, эллинистический характер. Заметим кстати, что римский культ императоров по существу был тоже эллинистическим.

На первом месте из этих эллинистических культов стояли, по степени популярности и распространения, египетские «таинства» Сераписа и Изиды. Центром и родиной этого культа был крупнейший тогда торгово-промышленный город в Египте — Александрия. Отсюда купеческие караваны и корабли разнесли его по всей территории обширного римского государства. Не было почти ни одного более или менее крупного пункта, где бы этот египетский культ не свил себе гнезда, где бы не было построено в честь этих божеств храма или часовни, где бы не было общины их поклонников.

Существовало сказание, что божественная супружеская пара — Серапис (или Озирис) и Изида — были некогда царями Египта и благодетелями людей: они обучили своих подданных земледелию, уходу за скотом, различным ремеслам и т. д. У Сераписа-Озириса был честолюбивый и коварный брат Сет, который предательски умертвил его, разрезал труп на части и разбросал их по стране. Изида узнала об этом, в страшном горе стала разыскивать останки своего божественного супруга и отыскав составила из них цельный труп. Затем она вместе с некоторыми другими божествами оплакала умершего и совершила над ним похоронные и магические (колдовские) обряды. На третий день Озирис-Серапис воскрес, но удалился в подземное царство и сделался там главным судьею умерших.

Таков был в основном миф о Сераписе и Изиде. Поклонники Сераписа связывали с мифом о нем особую догматику (вероучение), согласно которой смерть и воскресение Сераписа будто бы имели для людей спасительное значение: обеспечивали им блаженное загробное существование, бессмертие и даже телесное воскресение. Для достижения этих «благ» от верующих требовались праведная жизнь на земле, принадлежность к религиозной общине, соблюдение ее тайн и выполнение различных обрядов.

Поклонники Сераписа и Изиды были организованы в тайные, замкнутые общины — братства. Для принятия в общину каждый «новичок» должен был предварительно пройти длительное «оглашение» — наставление в вере и «искус» — испытания. Самое принятие сопровождалось совершением над вновь принимаемым таинства крещения и других обрядов, после чего он допускался уже к обрядовой трапезе — таинству причащения. Каждому новопринятому, по мере его пребывания в общине, старшие члены открывали все новые и новые культовые «тайны». В связи с этим члены общин делились на разные категории по степени «посвящения». Видную роль в общинах играли жрецы.

Общины имели сложную обрядовую практику, которая частично была доступна также и для «непосвященных». Главное место в этой практике занимали ежедневное храмовое богослужение, распадавшееся на заутреню, обедню и вечерню, и особые годовые праздники. Наиболее торжественно справлялось в ноябре многодневное празднество «мученической смерти и воскресения» Озириса-Сераписа. В эти дни жрецы разыгрывали в храмах обрядовые сцены смерти «спасителя», скорби Изиды, поисков его трупа, обретения последнего, оплакивания, погребения и воскресения из мертвых.

Другим крупным праздником было «рождество-богоявление» Озириса-Сераписа, называвшегося также Эоном — богом вечности. Справлялось оно одними 25 декабря, другими—6 января. В этот день в храме совершалось ночное богослужение, после чего из особого подземелья выносили украшенную золотыми крестами статую новорожденного божества, с песнопениями обносили семь раз вокруг середины храма и затем опускали опять в подземелье. На вопрос о значении этого обряда жрецы отвечали: «Днесь, в сей самый час дева родила Эона», бога вечности. Днем происходило торжественное «хождение на воду» и ее освящение.

В мифе и культе Озириса отводилось особо видное, а иногда и главное место Изиде — супруге и матери «спасителя». Изиду изображали девой, девственницей и величайшей богиней, матерью всего сущего, царицей небесной, подательницей урожая и всяческого вообще плодородия. В ней видели «заступницу усердную» во всех нуждах и невзгодах.

Фригийский культ Аттиса и Великой матери богов — Кибелы

Наряду с александрийскими «таинствами» Сераписа широким распространением в Римской империи пользовался также фригийский культ божественного «спасителя» — Аттиса и Великой матери богов — Кибелы.

Согласно мифам, Аттис, чудесно родившийся от богини-девы, красавцем-юношей возбудил к себе любовь богини Кибелы. Однажды ревнивая богиня наслала на своего любимца безумие, он бежал в горы, оскопил себя под сосной и умер. В страшном горе Кибела отыскала и оплакала труп умершего и обратилась с мольбой к верховному божеству, чтобы оно вернуло его к жизни. Ее просьба была выполнена лишь наполовину: тело юноши осталось нетленным, даже волосы продолжали расти и продолжал шевелиться мизинец. Неутешная богиня похоронила жертву своей ревности и в память ее установила ежегодное празднество и культ со штатом жрецов-скопцов.

По другому варианту, легшему в основу нового мистического культа, Аттис будто бы после трехдневного пребывания в могиле телесно воскрес. Аттиса считали божественным спасителем, который своей смертью и воскресением обеспечил верующим в него бессмертие и блаженную жизнь за гробом.

Культ Аттиса и Кибелы был доступен для всех, однако часть его поклонников и поклонниц составляла замкнутые общины «мистов», посвященных, которым были известны тайны мистического вероучения; одни они только допускались к участию в главных обрядах. Некоторые из этих посвященных в припадке религиозного фанатизма оскопляли себя и посвящали свою жизнь целиком служению названным божествам, делались их жрецами—«галлами». Во главе жрецов стоял «архигалл», который именовался также «папой», т. е. «отцом», «батюшкой».

Принятие в общину «мистов» сопровождалось, как и в таинствах Сераписа, предварительным «оглашением» и испытанием, отмечалось совершением над новичком таинства крещения, после чего

он допускался к другому таинству — причащению. Эти таинства были очень похожи на позднейшие христианские таинства.

В культе Аттиса и Кибелы видное место занимали праздники, главным из которых была своего рода фригийская пасха. Праздник этот длился несколько дней и приходился на вторую половину марта, т. е. на те дни, когда позднее часть христиан праздновала свою пасху.

15 марта было так называемое предпразднество: в этот день совершалось торжественное ношение по улицам священного тростника и приносились кровавые жертвы.

Самый праздник начинался с 22 марта, когда происходило обрядовое оплакивание и погребение Аттиса. В этот день срубали сосну, украшали ее лентами и венками, к середине прикрепляли изображение Аттиса и в таком виде вносили ее в храм. Там вокруг этой сосны происходило оплакивание умершего божества, после чего его изображение погребалось в храмовой пещере — «могиле».

С 22 марта устанавливался строгий пост.

24-е число было днем «крови». Это был третий день после смерти Аттиса. Печаль и скорбь достигали своего крайнего напряжения. Под звуки кимвалов и флейт, опьяненные религиозным исступлением, в бешеной пляске носились по храму жрецы, наносили себе раны, и кровь струилась по одеждам. Тогда же некоторые верующие, увлеченные религиозным безумием, схватывали с алтарей каменные ножи и оскопляли себя в подражание самому «спасителю» и его служителям — галлам. Так верующие готовились к самому торжественному моменту своего праздника — к воскресению божества.

Этот центральный момент торжества рисует нам раннехристианский автор Фирмик Матерн:

«В определенную ночь изображение Аттиса (плащаница) лицом вверх кладется на ложе и оплакивается жалобными песнями. Затем, после того как люди насытились притворным плачем, вносится свет. Жрец намащает горла всех плакальщиков (миропомазание), а потом тихим шопотом произносит слова:

«Воспряньте духом, мисты: бог спасен!
И мы обрящем от трудов спасенье!»

Аттис воскрес! Этой радостной вестью начинался самый торжественный день праздника — «гиларии», 25 марта. Прежняя скорбь и печаль сменялись необузданной радостью, устраивались пиршества, пелись торжественные гимны; верующие украшали себя венками.

Следующий день, 26 марта, носил название «покоя», так как никаких обрядов не совершалось. В последний день праздника, 27 числа, происходило обрядовое омовение храмовой утвари и статуи Кибелы.

Так совершался весенний праздник смерти и воскресения фригийского «спасителя» Аттиса. Праздник этот с конца республики был введен в римский государственный календарь, а самый культ Кибелы был официально занесен в Рим еще в 204 г. до хр. эры.

Сиро-финикийский «спаситель» Адонис

Соперником культов Сераписа и Аттиса был в греко-римском мире сиро-финикийский культ Адониса, имя которого в переводе значит «господь». Как и о других божествах, о нем тоже существовало много различных противоречивых мифов.

Согласно одному из наиболее принятых греческих сказаний, Адонис чудесно родился от девы Мирры. Став стройным юношей и страстным охотником, он возбудил к себе любовь богини Афродиты (Астарты). Тщетно богиня предостерегала его от увлечения охотой. Однажды Адонис охотился в горах Ливана, и дикий кабан—вепрь нанес ему смертельную рану. Совершилось чудо: из крови умирающего выросли цветы — анемоны, а воды соседней реки окрасились в кровавый цвет. Неутешная богиня оплакав похоронила своего любимца и установила в честь его особый культ. Из других источников мы узнаем, что умерший Адонис будто бы воскрес и вознесся на небо.

Так например, греческий писатель II в. Лукиан в своем произведении «О Сирийской богине» пишет:

«Видел я в Библе великое святилище Афродиты библосской, в котором справляются оргии (празднества) в честь Адониса. Я ознакомился и с ними. Говорят, что оргии эти установлены в честь Адониса, раненного в этой стране вепрем; в память об его страданиях местные жители ежегодно подвергают себя истязаниям, оплакивают Адониса и справляют оргии, а по всей стране распространяется великая печаль. Затем, когда прекращаются удары и перестают плачи, приносят жертву Адонису, как умершему, и на следующий день рассказывают, что он жив и удалился на небо»[1].

Финикийский город Библ был основным центром культа Адониса, в котором главное место занимало, как мы видели, ежегодное празднество смерти и воскресения этого «господа». Лукиан и ряд других древних авторов дают нам возможность восстановить картину этой финикийской «пасхи».

Празднество это в большинстве мест совершалось тоже во второй половине марта и продолжалось несколько дней.

Прежде всего справлялась «страстная неделя»: в течение семи дней верующие, особенно женщины, оплакивали умершего «господа». С распущенными волосами, терзая свою грудь, они носились по улицам, «искали» Адониса и жалобно причитали: «Увы, господи! Увы, господи!». По целым ночам слышались их рыдания на порогах жилищ и у стен храмов.

Вместе с трауром совершались тогда и различные другие обряды. Каждый день жрецы под звуки флейт исполняли похоронные танцы. Верующие наносили себе раны и старались пережить те страдания, которые будто бы выпали на долю их господа. В храмах и в других местах выставлялись плащаницы — погребальные ложа, на которых лежали прикрытые погребальными пеленами деревянные изображения Адониса. Перед этими плащаницами жрецы разыгрывали сцены роковой охоты и смерти Адониса, оплакивания

---

[1] Лукиан. Соч., т. II, стр. 262, изд. «Академия», 1935 г.

и погребения его Афродитой. Местами, особенно в Греции, в храмах и в домах выставляли тогда же еще «садики Адониса» — горшочки и корзиночки с быстро прорастающей зеленью.

В последний день страстной недели происходило с особой торжественностью погребение Адониса. Толпа народа с плакальщицами и жрецами впереди, с пением похоронных молитв и гимнов провожала плащаницу Адониса в предназначенную для него могилу — храмовую пещеру. Плач и рыдания достигали высшей степени, когда плащаницу опускали в эту пещеру и закрывался могильный вход.

На следующий день картина резко менялась: праздновали воскресение Адониса. Жрецы в храмах совершали соответствующие богослужения. Траур и пост прекращались. Верующие при встрече друг с другом делились радостной вестью: «Адонис воскрес!». Всюду слышались торжественные гимны в честь победы «господа» над силами смерти.

«Каждый год справляют праздник в честь Адониса, в течение которого женщины оплакивают его, как умершего, а затем воспевают и славословят его, как воскресшего», — говорит «отец церкви» Иероним («Толкования на пророка Иезекииля», III).

Культ Адониса тоже был широко распространен по греко-римскому миру, причем центрами его были, кроме Библа, также остров Кипр, Афины и Александрия. Одним из местных святилищ, в котором ежегодно справлялось празднество смерти и воскресения Адониса, была пещера около г. Вифлеема, в Палестине. Позднее, в IV в., христиане завладели этой пещерой и стали выдавать ее за место рождения своего никогда не существовавшего Иисуса Христа и превратили ее в свой храм.

Обряды и мифы об Адонисе верующие толковали в мистическом духе и видели в них залог своего бессмертия и блаженства за гробом.

Греко-фракийский «спаситель» Дионис

Древняя Греция тоже имела своего умирающего и воскресающего «спасителя» в лице Диониса, или Вакха. Ряд противоречивых мифов окружал его имя. По одной версии, «страстная» история его излагается следующим образом.

Дионис был земным сыном верховного божества — Зевса. Однажды Зевс должен был покинуть царство и передал власть над миром своему юному сыну Дионису. Но ревнивая жена Зевса — Гера — заманила Диониса и наслала на него могучих титанов. Спасаясь, Дионис в бегстве принимал различные виды; но титаны настигли его, когда он принял вид быка, разорвали на части и съели. Уцелело только сердце. Зевс, узнав об этом, молнией сжег титанов и воскресил Диониса.

По другому сказанию, растерзанные части Диониса были собраны богом Аполлоном и погребены. В Дельфах, например, показывали могилу Диониса. Рассказывали также, что Дионис после своей смерти сошел в ад, а затем вознесся на небо. Жители области Арголиды утверждали, что Дионис спускался в ад через озеро

в их местности. Поэтому они ежегодно праздновали на берегу этого озера возвращение Диониса из царства мертвых — его воскресение.

Первоначальной родиной культа Диониса была гористая Фракия, на севере Балканского полуострова. Там этот культ носил оргиастический — изуверский — характер. На главном празднике смерти и воскресения Диониса его поклонники и поклонницы — вакханты и вакханки — ночью, при свете факелов, под оглушительный гром музыкальных инструментов в дикой пляске носились по горам и долинам. Они преследовали как живое воплощение своего спасителя священного быка, настигали, разрывали его на части и поедали еще дымящееся кровью сырое мясо. Так они мистически вкушали плоть и кровь своего божества, воссоединялись с ним, чтобы обеспечить себе будущее спасение и бессмертие.

Из этого кровавого и неистового культа, будто бы смягченного мифическим певцом и чудотворцем Орфеем, зародились так называемые «орфические таинства», где Дионис выводился в роли спасителя и искупителя.

Выработалось особое орфическое учение, согласно которому люди произошли из пепла титанов, поглотивших Диониса и пораженных молнией Зевса. Поэтому у людей две природы — титаническая и дионисическая. Первая тянет людей ко всему земному и низменному, вторая — ко всему небесному и возвышенному. Отсюда нравственный долг каждого человека — подавлять в себе титанизм путем умерщвления плоти и помогать душе воссоединиться через Диониса с высшим божеством.

Существовало также орфическое учение о перевоплощении, т. е. о том, что каждый человек рождается и умирает многократно и лишь постепенно, по мере своего нравственного совершенствования, получает возможность окончательно освободиться от плоти и воссоединиться с божеством.

Поклонники орфического Диониса — орфики — были тоже организованы в тайные, замкнутые общины со строгим уставом, совершали особые магические обряды и имели свою священную литературу.

В заключение надо отметить еще, что Дионис в греческой религии считался обычно божеством вина и виноградной лозы. Рассказывали, что он будто бы ежегодно сходит с неба, являет себя на земле и отмечает это чудом: превращает воду в вино. Существовал даже особый праздник «богоявления» Диониса, 6 января, отчасти родственный уже знакомому нам александрийскому празднику Озириса-Сераписа.

Не случайно, что оба эти праздника по своему характеру и календарной дате совпадают с христианским праздником «богоявления», не случайно и то, что Иисус Христос в некоторых местах евангелий именует себя «лозой истинной».

Митраизм

К эллинистическим культам умирающих и воскресающих божеств относится также персидский культ солнечного божества

Митры, или митраизм. Этот культ играл особо видную роль в Римской империи, имел наибольшее число последователей и долгое время был сильным соперником христианства.

Поклонники Митры рассказывали, что он в качестве божества света и главы небесного воинства ангелов существовал еще до сотворения мира, находился при высшем божестве добра и света — Ормузде — и вел постоянную борьбу с адскими полчищами владыки зла и тьмы — Аримана. Когда был сотворен мир, лучезарный Митра сделался божественным «посредником» между людьми и богами. Для этого он был послан на землю к людям и принес им тайны спасения.

В начале времен Митра чудесно родился на земле в пещере, вышел из скалы или из лона матери-земли с мечом и огненным факелом в руках. Первыми заметили рождение и приветствовали Митру пастухи. Затем этот божественный посланец стал на земле творить различные чудеса и спасать людей от козней Аримана.

Прежде всего он нагнал и умертвил дикого первобытного быка, причем произошло чудо: из спинного мозга быка выросли хлебные злаки, из крови — виноградные лозы, из тела — целебные травы. Ариман и его слуги тщетно пытались помешать этому чуду.

Затем Ариман задумал истребить всех людей и послал на землю страшную засуху, но Митра ударом стрелы чудесно извлек из скалы обильный источник живой воды. Тогда Ариман наслал на землю потоп, но Митра спас одного праведника с помощью ковчега. Наконец, Ариман низвел на землю всепожирающий огонь, но люди и на этот раз спаслись благодаря Митре.

Много других благодеяний совершил Митра для людей; он же сообщил им и тайны спасения, научил их, как бороться с кознями Аримана и праведной жизнью заслужить загробное блаженство и бессмертие. В конце своего земного бытия он организовал из своих учеников первую общину верующих, сообщил им тайные учения и обряды, устроил с ними прощальную «тайную вечерю» и вознесся на небо, к своему небесному творцу.

На этом благодетельная для людей роль Митры еще не закончилась: находясь на небе, Митра судит души умерших. Праведные души он отводит в блаженную обитель светлых богов; души грешников низвергаются в ад и делаются там добычей Аримана и его демонов. Кроме того, Митра во главе небесных ангельских сил продолжает вести в мире неустанную борьбу с темными силами Аримана. Борьба эта будет длиться до «конца света».

В конце времен Ариман пошлет на землю страшные бедствия — предвестники скорого конца мира. В последние дни Митра снова сойдет на землю, воскресит всех умерших и отделит праведных от грешников. Праведникам он даст напиток бессмертия. Затем он низведет с неба страшный огонь, который охватит всю землю, и в этом мировом пожаре навсегда погибнут все грешники вместе с Ариманом и демонами. Земля, таким образом, будет очищена небесным огнем, а Митра установит на ней вечное царство блаженства для праведников.

Такова мифология и догматика митраизма.

Поклонники Митры имели свои тайные, замкнутые общины,

доступ в которые был очень труден. Все члены каждой общины делились на семь категорий — «степеней посвящения»: на Воронов, Скрытых, Воинов, Львов, Персов, Бегунов солнца и Отцов. Во главе их в каждой общине стоял «отец отцов», или «папа». Члены первых трех степеней считались неполноправными и не допускались к активному участию в главнейших обрядах.

При посвящении в четвертую степень они подвергались мучительным испытаниям, после чего над ними совершалось таинство крещения. Лишь после этого они допускались к таинству причащения, а на их лбы ставилась священная печать. С этого момента они делались полноправными — принимались в ряды «воинства Митры» — и обязаны были вести соответствующий образ жизни согласно тайному уставу общин.

Обрядовая практика митраизма мало известна, но, повидимому, она была очень сложна. У каждой митраистической общины имелось свое святилище в виде пещеры, где находились священные изображения Митры и других божеств, стояли жертвенники и скамьи для посвященных, горели лампады. Ежедневно в таком святилище утром, в полдень и вечером жрецами совершались богослужения.

У митраистов были праздники — еженедельный «день солнца» (воскресенье), дни весеннего и осеннего равноденствий, а также летнего и зимнего солнцестояний. Самым крупным был зимний праздник солнцестояния; назывался он «рождеством непобедимого солнца Митры» и справлялся 25 декабря. Забегая вперед, здесь же отметим, что ранние христиане позднее заимствовали почти все эти митраистические праздники. Когда митраизм частично слился местами с культом Аттиса, то его весенний праздник равноденствия слился с фригийской «пасхой», а Митра был тоже наделен чертами умирающего и воскресающего спасителя. Кроме всех этих праздников в календаре митраистов имелись еще и посты.

В культе Митры, как и в других древних культах, были таинства крещения и причащения. Крещение совершалось водой и, в особых случаях, кровью закалываемого быка, что называлось «тавроболием». Причащались освященными хлебом и вином с водой из чаш или из рогов быка. Все эти и некоторые другие обряды были столь похожи на позднейшие христианские, что один из церковных авторов II—III вв. Тертуллиан видел в этом козни дьявола и писал:

«Дьявол... ставит своим долгом извращать истину и старается в мистериях ложных богов подражать святым обрядам христианской религии. Он также кой-кого погружает в воду и обещает через крещение искупление грехов».

Мистерии Митры возникли и справлялись еще задолго до появления христианства; ясно поэтому, что соответствующие митраистическим христианские обряды были заимствованы из митраизма, а не наоборот.

В заключение отметим, что все члены митраистических общин обязаны были подчиняться суровому уставу и чисто военной дисциплине. Об этом свидетельствуют, между прочим, найденные в

митраистических подземельях скованные цепями скелеты людей. Главную массу своих поклонников культ Митры имел в римских войсках, в особенности среди командного состава.

Общая характеристика эллинистических культов

Мы разобрали целый ряд наиболее популярных эллинистических культов, имевших широкое распространение в Римской империи в те века, когда зародилось и развивалось раннее христианство. Мы видим, что в центре почти всех этих культов стоял образ страдающего, умирающего и воскресающего спасителя. Этот спаситель будто бы был чудесно зачат и рожден матерью-девой, жил на земле в виде богочеловека, претерпел мученическую смерть, воскрес и вознесся на небо, к верховному божеству.

С мифами и образом этого спасителя в названных культах были связаны различные магические обряды и таинства, главными из которых считались крещение и причащение. Видное место во всех этих культах занимали также праздники смерти и воскресения спасителя и его рождества, причем первые из них чаще всего справлялись весной, во второй половине марта, а рождество — 6 января или 25 декабря.

Поклонники и поклонницы этого спасителя были организованы в тайные, замкнутые общины, доступ в которые был открыт только тем, кто прошел длительное «оглашение» и различные, порой мучительные, испытания — «искус». Эти лица считались посвященными и полноправными членами общин. Только они допускались к активному участию в главных обрядах. Только им открывались тайны мистического учения.

Все эти культы своими историческими корнями восходили к дикарским обрядам и верованиям первобытной религии доклассового общества. Мы находим в них прежде всего пережитки тотемизма — почитания священных животных. Так например, мифы и некоторые обряды этих культов выдают нам, что персидский Митра и греко-фракийский Дионис были некогда священными тотемными быками, египетский Озирис-Серапис и фригийский Аттис были такими же тотемными баранами, Адонис — кабаном или вепрем.

Таинство причащения плотью и кровью божества развилось из обрядового поедания мяса и крови этих священных животных. Таинство крещения вылилось из таких же первобытных обрядов магического очищения водой.

В дальнейшем культы эти приняли совершенно иной характер — аграрный, земледельческий.

В древнем божестве стали видеть божество растительности, особенно хлебных злаков, а в его матери-деве — богиню земли и плодородия. В этом же смысле истолковывали также обряды и мифы. Жрецы рассказывали, что божество чудесно рождается от матери-земли в виде зелени на полях, достигает юношеской красоты и зрелости в виде спелых колосьев, мученически умирает под ударами серпов, погребается в виде зерен при посеве и воскресает — возрождается — опять в виде зелени, причем проходит весь этот

жизненный круг на благо людям, для обеспечения им хлеба насущного.

Дальнейшие изменения представления о богах выразились в том, что они приобрели общественные атрибуты; из подателей урожая они превратились в «спасителей», которые своей жертвенной смертью и воскресением должны спасти людей, обеспечить им бессмертие, приобщить к иной жизни. Соответственно с этим придавалось новое толкование старым земледельческим обрядам.

Судьба зерна воспринималась как образ судьбы «спасителя», а вместе с тем и мистически понимаемой судьбы человека: через смерть к жизни, через погребение к воскресению. На первый план выдвигалось мистическое учение о загробной жизни, которое открывалось только «посвященным».

Но новый «спаситель» сохранял еще аграрные черты; они выступали также в изображении Сераписа в виде божества с хлебной мерой на голове, у Аттиса — в венке из хлебных колосьев, у Адониса — в его «садиках» и т. д. Аграрный характер носили и их празднества: весеннее было связано с началом уборки урожая, январское и декабрьское — с появлением первой зелени на полях.

Таковы были эти эллинистические культы. Они пользовались большой популярностью среди различных слоев населения Римской империи.

Особенно привлекали к себе эти культы тем, что они сулили верующим религиозное утешение от земных тягот и бедствий, подавали им обманчивую надежду на бессмертие и на лучшую жизнь за гробом. А такого религиозного утешения искали почти все слои населения мировой Римской империи. Наконец, в общинных организациях этих культов принятые туда находили себе как-будто новую братскую семью, связанную одними интересами и дружно поддерживавшую своих членов.

Но мог ли какой-либо из этих культов оттеснить собою все остальные культы и национальные религии и сделаться религией всех и для всех, т. е. мировой религией мировой Римской империи?

Нет, не мог, так как все эти культы, взятые вместе и порознь, имели в себе ряд таких элементов, которые делали любой из них непригодным для роли мировой религии.

Прежде всего эти культы были связаны со старыми национальными религиями, из которых они вышли, и имели резко выраженные национальные черты. Их боги поэтому не могли стать универсальными божествами и не могли также сохраниться как национальные боги, поскольку в результате римского завоевания исчезли питавшие их общественные корни. Кроме того, в каждом из этих культов играла огромную роль обрядность с целой системой запретов. Эта обрядность вносила разделение между последователями разных религий, а многих отталкивала от себя еще и своим изуверством.

В силу всего этого эллинистические культы исторически были тоже обречены на скорую гибель. Ни один из них не мог стать мировой религией империи даже тогда, когда выдвигался на это место тем или иным императором. Поэтому, например, хотя культ Аттиса и Кибелы был официально введен в государственную ре-

лигию Рима еще в III в. до хр. э., он никогда не выдвинулся на первое место. Не удались также и не могли удаться попытки императоров Диоклетиана, Максимиана, Юлиана и др. сделать государственной религией империи культ Митры.

«Потребность дополнить всемирную империю всемирной религией ясно обнаруживается в том, что Рим пытался ввести у себя поклонение всем сколько-нибудь почтенным чужим богам. Но императорскими декретами нельзя создать новую всемирную религию» [1].

Тем не менее национальные религии и, в особенности, эллинистические культы подготовили почву и до некоторой степени способствовали зарождению и начальному развитию той новой религии, которая одна только имела все условия для своей победы.

Этой новой религией-победительницей оказалось христианство, впитавшее в себя, как увидим дальше, множество отдельных элементов из старых религий. В частности, многие черты различного рода «спасителей» перенесены были на раннехристианский образ сказочного Иисуса Христа.

Зарождение образа Иисуса Христа

Первоначальной родиной христианства была, повидимому, Малая Азия. За это говорит тот факт, что древнейшее христианское литературное произведение — «Откровение Иоанна» — называет только малоазиатские общины. Там издавна жило многочисленное еврейское население, часть так называемой «диаспоры» — евреев «рассеяния». Подавляющее большинство диаспоры состояло из торговцев, ремесленников, крестьян, частично из рабов.

В условиях существования на чужбине, среди местного «языческого» населения, евреи диаспоры не могли выполнять бесчисленные и стеснительные предписания иудейской религии. При этом они прежде всего перестали соблюдать различные обряды и запреты «закона Ягве», касающиеся пищи, одежды, жилища, общения с «язычниками» и т. п. Да и сам Ягве в их среде постепенно утрачивал свои национальные черты исключительно еврейского божества и превращался в «единственно истинного бога», «творца неба и земли».

На выработку еврейского и христианского монотеизма большое влияние оказало также религиозно-философское учение еврейского мыслителя Филона из египетской Александрии.

Филон учил, что самое ценное и вечное в человеке — его душа: она обладает божественной природой. Тело человека — это низменная, греховная материя, которая своими грехами и страстями лишь загрязняет душу. Такую же низменную природу имеет и весь материальный мир вообще. Поэтому между богом и низменным миром не может быть прямого общения, а необходим какой-то посредник. Таким «посредником» служит божественный Логос — Слово, который исходит от бога и сам в то же время является богом-искупителем и спасителем. В качестве непременного условия

---

[1] Энгельс — Людвиг Фейербах. Соч., т. XIV, стр. 674.

спасения Логос требует от человека смирения, покаяния, очищения от грехов, подавления плоти, презрения к земным благам и т. д. Таково религиозно-философское учение Филона, этого «отца христианства», как называл его Энгельс.

Широким распространением среди еврейской диаспоры пользовалось также религиозно-философское учение стоиков, ярким представителем которых в тогдашней римской литературе был воспитатель Нерона — Сенека, этот «дядя христианства», по выражению Энгельса. Стоики тоже учили, что тело является бременем для души, что земная жизнь особой ценности не имеет, а должна служить лишь подготовкой к жизни загробной. Потому человек не должен обращать внимания на земные условия своего существования, во имя загробного будущего ему надо мириться со своим тяжелым настоящим, как бы тягостно оно ни было.

Все эти религиозно-философские учения Филона, стоиков и других представителей восточной и западной философии о едином боге, о божественном «посреднике» между богом и миром — Логосе, о бессмертии души, о греховности плоти, о бренности материального мира, о загробной жизни, о необходимости нравственного самосовершенствования и примирения с земным настоящим во имя загробного будущего и т. д., — все эти учения доходили до основной массы еврейской диаспоры в вульгаризованной форме и воспринимались ею более просто, более грубо, более вещественно. Так например, Логос Филона воспринимался как сын бога во плоти, учение стоиков о бренности земного существования — как религиозное учение об умерщвлении плоти.

Так же, как еврейский исключительно-национальный бог Ягве в условиях диаспоры превратился в единственного бога вообще, старый образ еврейского мессии как царя-помазанника принял новые, общечеловеческие черты.

Гнет римского владычества в Палестине способствовал тому, что сложилась вера, будто мессия будет политическим деятелем, царем из рода Давида, национальным героем, что он силой оружия при поддержке со стороны бога Ягве освободит свой народ от ига римлян и восстановит в былом блеске еврейское царство со столицей Иерусалимом.

Иной образ мессии выработали себе трудящиеся массы еврейской диаспоры, отчаявшиеся в успехе своей классовой борьбы и возлагавшие надежды только на небесную помощь. Образ мессии-царя, ограничивающего свою власть пределами Палестины, не мог привлекать евреев диаспоры. Поэтому среди трудящихся диаспоры выработался другой образ мессии, общечеловеческого спасителя, который придет на землю ко всем социально-обездоленным, расправится при помощи сил небесных с угнетателями и принесет долгожданное «спасение».

Были среди этой части диаспоры и такие группы, которые не только в реальной, действительной жизни были не способны к активной борьбе против классового гнета, но даже в мечтах, в фантазии не видели возможности сокрушить врага и примирялись со своей жалкой участью. Эти группы представляли себе мессию как

кроткого миротворца, который посеет в сердцах всех людей любовь друг к другу и приучит волка жить в мире с ягненком.

Таким образом, в сознании еврейского населения диаспоры мессия терял свой национальный еврейский характер и принимал черты общечеловеческого спасителя всех обездоленных и угнетенных.

Этот образ мессии переплетался в диаспоре с эллинистическими образами страдающего, умирающего и воскресающего спасителя, с представлениями о божественном «посреднике» — Логосе, с учениями Филона, стоиков и других о душе и теле, о земной жизни и загробном мире, о смерти и бессмертии, о путях к достижению загробного блаженства через смирение, покаяние и подавление плоти и т. д.

В этой пестрой мешанине различных религиозных представлений уже были все основные элементы начального христианства. Лишенный своих былых национально-еврейских черт, мессия, по-гречески христос, начал принимать общечеловеческие черты и получил собственное имя Иисуса, что в переводе значит «бог спасет».

Так в итоге получился образ нового, уже общечеловеческого спасителя и искупителя — Иисуса Христа.

Поклонники Иисуса ждали его скорого прихода на землю, готовились к нему и организовались в особые общины. Это были первые христианские общины. Зародилось христианство.

Причины успеха христианства

Христианство в самом начале представляло собою сектантское движение в иудейской религии. Последователи его почитали мессию Иисуса как божественного спасителя. Но это течение скоро порвало с иудейской религией, выступило против нее и против всех вообще тогдашних национальных религий и культов. Молодое христианство довольно быстро стало превращаться в самостоятельную религию, оттеснять на задний план своих противниц и сравнительно скоро сделалось мировой религией Римской империи.

При этом христианство почти целиком отбросило иудейскую и всякую другую обрядность. Отмечая и подчеркивая это обстоятельство, Энгельс в своей статье «Бруно Бауэр и раннее христианство» писал: «Христианство не знало никаких вносящих разделение обрядов, не знало даже жертвоприношений и процессий классической древности. Отрицая, таким образом, все национальные религии и общую им всем обрядность, обращаясь ко всем народам без различия, христианство само становится *первой возможной мировой религией*»[1].

Христианство не замкнулось в узком кругу своих немногочисленных вначале общин. В отличие от национальных религий и знакомых нам эллинистических культов оно развило широкую пропаганду по всей Римской империи. При этом оно обращалось ко всем «труждающимся и обремененным», ко всем тем, кто чувствовал на себе гнет империи и всю тяжесть тогдашнего общественного строя.

[1] Энгельс. Соч., т. XV, стр. 609.

Всем отчаявшимся элементам римского общества, всем слоям и классам христианство сулило утешение, прельщало их грезами с вечном блаженстве, правда, не здесь, на земле, а на небе. Оно утверждало, что гнетуще-тяжелое для широких масс политическое и экономическое положение является следствием всеобщей греховности людей, а не обусловлено самим рабовладельческим строем империи. Отмечая это, Энгельс в названной статье писал:

«Во-вторых, христианство заставило зазвучать струну, которая должна была найти отклик в бесчисленных сердцах. На все жалобы по поводу тяжелых времен и по поводу всеобщей моральной и материальной нищеты христианское сознание греховности отвечало: да, это так, и иначе быть не может; в испорченности мира виноват ты сам, виноваты вы все, твоя и ваша собственная внутренняя испорченность! А где бы нашелся человек, который мог бы это отрицать? Mea culpa! [Моя вина!] Ни один человек не мог отказаться от признания за собою части вины в общем несчастье, и признание это стало предпосылкой духовного спасения, которое в то время было провозглашено христианством. И это духовное спасение было придумано таким образом, что его легко мог понять член любой старой религиозной общины. Всем этим старым религиям было свойственно представление об искупительной жертве, которая могла умиротворить оскорбленное божество. Разве это не была благоприятная почва для усвоения идеи о посреднике, который добровольно приносит себя в жертву, чтобы раз навсегда искупить все грехи человечества? Таким образом, общераспространенному чувству, что люди сами виноваты во всеобщей испорченности, христианство дало ясное выражение в сознании греховности каждого отдельного человека; в то же время в жертвенной смерти своего основателя оно создало легко понятную для всех форму внутреннего спасения от испорченного мира, утешения в сознании, к чему все так страстно стремились. Так доказало христианство свою способность стать мировой религией — к тому же религией, соответствующей как раз данному обществу» [1].

В силу этих причин христианская проповедь имела успех. Росло число христиан и христианских общин. В христианство переходили в большом количестве не только иудеи, но и последователи других национальных религий и культов. Социальный состав христиан I в. оставался более или менее однородным: христиане тогда рекрутировались преимущественно из рабов, вольноотпущенников, «свободной» городской бедноты, т. е. из наиболее обездоленных слоев населения, но в общины входили также и отдельные богатые люди. Круг христианской пропаганды расширялся. Христианские общины стали возникать в различных областях и городах империи. Ведь всюду было достаточное количество людей, отчаявшихся в улучшении условий жизни на земле и искавших выхода из земной юдоли.

«Где же был выход, где было спасение для порабощенных, угнетенных и обнищавших — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу

---

[1] Энгельс. Соч., т. XV, стр. 609—610.

интересами? И все же найти такой выход было необходимо, чтобы одно великое революционное движение охватило их всех.

Такой выход нашелся. Но не в этом мире. При тогдашнем положении вещей выход мог быть лишь в области религии... Но вот явилось христианство, отнеслось по-серьезному к наградам и карам в потустороннем мире, создало небо и ад, и был найден выход, который вел страждущих и обремененных из нашей земной юдоли прямо в вечный рай»[1].

Первые христианские общины были очень просты по своей организации. Члены каждой общины в определенные дни сходились на свои собрания, на которых произносились поучения и проповеди, пелись молитвы, обсуждались послания других общин и вскладчину устраивались совместные ужины — трапезы. Единого названия для всех этих первых почитателей Иисуса тогда еще не было; назывались они эбионитами (от еврейского «эбион» — бедный, нищий), назареями и др. В этих общинах оформлялся христианский образ Иисуса Христа.

Начальное христианство и образ Иисуса в «Откровении Иоанна»

Уже с самого начала в христианстве было много различных течений, которые боролись между собой по самым основным вопросам вероучения, культа и т. д. Эта борьба становилась все острее и шире по мере численного роста христианских общин. В процессе борьбы за установление единого вероучения и культа, а также в условиях дальнейшего развития христианства в самостоятельную религию зародилась христианская литература.

Первым, самым древним по времени написания, дошедшим до нас христианским произведением был «Апокалипсис», «Откровение Иоанна». Оно было написано в Малой Азии неизвестным еврейским автором около 69 г. Это было время, когда в Римской империи после смерти императора Нерона происходила вооруженная борьба за престол между различными претендентами, когда в ряде провинций вспыхивали восстания, а в Палестине шла отчаянная война еврейского народа против могучего Рима, перераставшая в социальную революцию. Империя и хищный Рим, казалось, стояли на краю гибели.

Автор «Откровения» проникнут ярой ненавистью к империи, к столичному Риму и к императорской власти. Как бы провидя будущее, он в своем произведении рисует их скорую гибель и связывает это с «концом света», с мировой катастрофой, которая уничтожит грешную землю и положит начало вечному царству блаженства для праведников. В этой мировой драме будто бы главную роль будет играть Иисус Христос: он с помощью архистратига Михаила и небесного воинства ангелов в ожесточенной и конечной борьбе разгромит самого дьявола и его слуг, уничтожит царство дьявольского «зверя из бездны» — мировую Римскую империю,

[1] Энгельс — К истории раннего христианства. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 423.

организует страшный суд над миром, уничтожит «старую землю» и «старое небо» и в обновленном мире установит вечное царство блаженства со столицей — небесным Иерусалимом.

Таково в основном содержание «Откровения Иоанна».

«О том, как выглядело христианство в своем первоначальном виде, можно составить себе представление при чтении так называемого откровения Иоанна. Дикий, сумбурный фанатизм, догмы — лишь в зародыше, а из так называемой христианской морали — только умерщвление плоти; зато, наоборот, множество видений и пророчеств. Образование догм и морали — это было делом уже позднейшего времени, когда были написаны евангелия и так называемые апостольские послания» [1].

«Откровение Иоанна» дает нам возможность восстановить картину христианства начального периода и самый ранний образ Иисуса Христа. Из этого произведения видно, что христианская догматика находилась тогда еще в самом зародыше. Так например, в ней совершенно отсутствовало учение о троичности божества, а управление миром приписывалось лишь единому владыке неба и земли, известному нам из представлений иудейской диаспоры. Этот небесный владыка будто бы единолично господствует над всеми народами и сам будет восседать на страшном суде в последний день мира.

Христианство того периода не имело учений о первородном грехе и об оправдании верой. Видное место в нем занимали представления о близком пришествии Христа, о страшном суде, светопреставлении и установлении мессианского царства вечного блаженства для праведников. В этих представлениях выражалась ненависть тогдашних христиан к мировой Римской империи, которую они отвергали как «царство зверя» — дьявола и на близкую гибель которой они надеялись.

Так же скуден, неразвит был в первое время у христиан и культ — обрядность. Из «Откровения» видно, что у них тогда еще совсем не было позднейших главных христианских таинств — крещения и причащения.

Центральное место в зарождающемся христианском культе занимал образ Иисуса Христа, но образ этот еще носил у христиан смутные, неопределенные черты, он только еще намечался и вырабатывался.

Так например, в «Откровении» Иисус изображается в самых различных фантастических видах: то небесным первосвященником в одеянии иудейских жрецов и царей, то небесным агнцем с семью глазами и с семью рогами, то сыном божиим, пребывающим на небе, то «подобием сына человеческого», то победоносным небесным полководцем.

В «Откровении» дана также «история» жизни Иисуса: он будто бы еще в начале мира в качестве искупительного агнца добровольно принес себя в жертву на небе — «был заклан» за весь грешный мир, за всех людей; родился он там же, на небе, от крылатой, одетой в солнце и увенчанной звездным венцом женщины, вместе

[1] Энгельс — Бруно Бауэр и раннее христианство. Соч., т. XV, стр. 605.

с ней подвергся преследованиям со стороны дьявольского дракона и пребывает у престола высшего божества, чтобы в конце времен вступить в борьбу с дьяволом, победить его и установить на земле свое вечное царство блаженства для праведников.

Ни одно земное «событие», входящее в круг евангельских и вообще церковных рассказов о рождении, жизни, деятельности и смерти Иисуса как человека или богочеловека в «Откровении» не упоминается. Единственное замечание, имеющееся в «Откровении», да и то очень туманное, о распятии Иисуса в каком-то городе без наименования (XI, 8) является, как установила наука, позднейшей вставкой.

Как видим из «Откровения», христиане его времени представляли себе Иисуса Христа не реальным человеком, не историческим деятелем, а сверхъестественным существом — сыном божиим, божественным Логосом, небесным спасителем и искупителем.

Таков был самый ранний образ Иисуса Христа у христиан. Следовательно, в начальный период христианства они видели в нем лишь божественное существо, божество, пребывающее на небе, у верховного владыки неба и земли, причем наделяли это божество чертами общечеловеческого «спасителя».

Однако христианство начального периода еще не осознавало себя самостоятельной религией, оно считало себя лишь истинным, обновленным иудейством. Поэтому, например, автор «Откровения» всюду именует себя и своих единоверцев не иначе, как «иудеями», а по адресу некоторых ненавистных ему сектантов бросает такой укор: «Они говорят, что они иудеи, но они вовсе не иудеи, они — синагога сатаны». При описании явления святых перед престолом верховного божества он на первом месте ставит 144 000 иудеев и только после них у него идет бесчисленная масса язычников, обращенных в это обновленное иудейство.

«Вот как мало сознавал еще наш автор в 69 г. христианского летоисчисления, что он являлся представителем совершенно новой фазы религиозного развития...

Итак, мы видим, что христианство того времени, еще не осознавшее само себя, было, как небо от земли, далеко от позднейшей закрепленной в догматах мировой религии Никейского собора; там оно совсем неузнаваемо. Здесь же в нем нет ни догматики, ни этики позднейшего христианства; зато здесь есть сознание того, что борьба идет со всем миром и что эта борьба увенчается победой» [1].

То обстоятельство, что «Откровение», отражающее древнейшую стадию христианства, не знает Иисуса как человека или богочеловека, а изображает его божеством того же типа, что и другие эллинистические «спасители», — является одним из сильнейших доказательств мифичности Иисуса. Анализ последующей христианской литературы показывает, как постепенно на этот мифологический образ наслаивались человеческие черты.

---

[1] Энгельс — К истории раннего христианства. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 419.

Христианство и образ Иисуса «Павловых посланий»

Выраженное в «Откровении» боевое настроение, враждебное мировой империи Рима, соединявшееся со страстными ожиданиями ее скорой конечной гибели, продержалось у ранних христиан недолго.

Прекращение борьбы за императорскую власть с восшествием на престол императора Веспасиана, разгром Иерусалима его сыном Титом, кровавое подавление других тогдашних восстаний, военная мощь и кажущееся процветание рабовладельческого Рима при Флавиях, неудача нового восстания евреев при Траяне и поражение последнего крупного восстания при Адриане, усиление налогового гнета, дальнейшее разорение и обнищание населения империи, а отсюда все увеличивавшийся переход в христианство «язычников» из бедноты и из имущих слоев общества — все это нанесло сокрушительный удар мессианским чаяниям близкого пришествия Христа, вызвало большие изменения в самом христианстве и содействовало дальнейшему развитию его в сторону превращения в самостоятельную и универсальную религию империи.

Прежде всего христиане подвергли пересмотру и переоценке удержанные еще из иудейской религии учения и представления о скором пришествии Христа и об основании им царства блаженства на развалинах Римской империи. Это пришествие и конец мира пришлось отодвинуть в неопределенное будущее.

Из множества боровшихся между собой сект внутри христианства постепенно одержало верх течение, которое учило о примирении с действительностью, как бы тяжела она ни была, о «принятии» мира и империи с ее рабовладельческим строем и о прощении обид. Это течение могло, таким образом, стать оплотом разлагавшегося рабовладельческого строя.

Напротив, те течения, в которых чувствовалась ненависть к существующим порядкам, была крепкая уверенность в скорой гибели существующего строя и в скором установлении царства божия на земле, — эти течения постепенно были объявлены еретическими и стали подвергаться преследованиям со стороны образовавшейся церкви. Между прочим, это обстоятельство отразилось тогда и на судьбе «Откровения Иоанна»: многими христианами оно тоже было признано еретическим и отброшено.

Победившее в христианстве течение нашло свое литературное выражение прежде всего в «Павловых посланиях». Большинство этих посланий было написано через несколько десятков лет после «Откровения», в конце I и в начале II вв., еще до появления евангелий, часть — после них. Своим автором послания выставляют апостола Павла; церковь также приписывает их ему. При этом церковь утверждает, будто Павел был евреем, принял христианство вскоре после смерти Иисуса, основал много христианских общин, добился разрыва христианства с иудейской религией и был казнен в Риме при императоре Нероне. Но ничему этому верить нельзя.

Историческая наука доказала, что «Павловы послания», как мы уже отмечали, были написаны гораздо позднее, неизвестными нам авторами, которые лишь укрылись под именем этого апостола. Сам

же Павел — личность неисторическая, вымышленный образ, который был создан внутри христианства течением, враждебным иудейской религии. Боровшееся против него другое течение, в противовес образу Павла, создало свой образ сказочного апостола Петра, который будто бы отстаивал необходимость для христиан держаться обрядов и верований иудейской религии. Самая же литература посланий возникла у ранних христиан из обыкновения общин обмениваться между собой такими письмами-посланиями для обсуждения различных вопросов вероисповедного, организационного и т. д. порядка.

Древнейшая, доевангельская часть «Павловых посланий» позволяет восстановить картину христианства времени составления посланий и тогдашний образ Иисуса Христа.

Эти послания прежде всего свидетельствуют о том, что христианство того времени в лице одержавшего верх течения считало себя уже самостоятельной, единственно истинной и общечеловеческой религией. Оно учило, что иудейская религия была лишь подготовкой к ней, сыграла свою историческую роль и теперь не нужна. В связи с этим внутри христианства было выработано тогда новое учение об Иисусе Христе и об его искупительной миссии.

Согласно этому учению, все человечество искони стонало под гнетом первородного греха, проклятия и смерти, которые вошли в мир вследствие грехопадения первой человеческой пары — Адама и Евы. Бог, наконец, сжалился над людьми и для облегчения их участи дал им через Моисея «закон», но этот закон в виде бесчисленных предписаний и обрядов постепенно сделался гнетущим ярмом для людей и еще глубже погрузил их в бездну страданий.

Тогда на помощь людям пришел сын божий — Иисус Христос. Обладая божественной природой и будучи свободен от какого-либо греха, он решил добровольно принести себя в искупительную жертву и раз-навсегда освободить всех людей от греха, «закона» и смерти. Для этого он сошел с неба на землю, принял здесь на себя вид и плоть человека-раба, претерпел позорную смерть на кресте, затем воскрес и вернулся к своему небесному отцу. Таким образом, своим освобождением и спасением человечество обязано лишь искупительной смерти Христа. Он претерпел позорную смерть во искупление тех, кто верит в него, т. е. членов христианских общин.

Подобно тому как грех Адама превратился в грех всего человечества, искупительная смерть Христа послужила на спасение всего человечества. Но олицетворить собою человечество, магически заместить его собой, могло только такое существо, которое было наделено человеческими свойствами. Следовательно, искупитель должен был быть настоящим человеком.

С другой стороны, подвиг искупителя мог иметь столь великое спасительное значение лишь в том случае, если этот искупитель был безмерно выше обычных смертных. Ибо только смерть невинного существа (которое по собственной природе своей не подвержено было греху и смерти) могла сыграть искупительную роль. Только добровольная смерть безгрешного и бессмертного существа могла иметь значение для небесного правосудия и искупить грехи всего человечества.

Таким образом, смерть Христа была по существу явлением сверхъестественного порядка, смертью божества, лишь временно принявшего вид и плоть человека.

Таково учение «Павловых посланий» об искупительной смерти и воскресении Иисуса Христа. Это учение было дальнейшим развитием того первоначального основного учения христиан, которое было заимствовано ими в вульгаризованной форме из религиозно-философской системы Филона и которое мы уже встречали в «Откровении Иоанна», а именно, что одной великой добровольной жертвой божественного «посредника» раз-навсегда искуплены грехи всех людей всех времен — при условии, что они уверовали в Христа.

В «Павловых посланиях» это основное учение христианства мы встречаем уже в такой развитой и сложной форме, которая выдает здесь влияние со стороны знакомых нам эллинистических культов «умирающих и воскресающих спасителей». Это влияние оказали, повидимому, те «язычники», которые все в большем числе переходили тогда в христианство.

В «Павловых посланиях» в связи с их основным учением мы находим также новый образ Иисуса Христа, совершенно отличный от того, который мы видели в «Откровении Иоанна». Иисус «Павловых посланий» — это божество, сын божий и божественный искупитель, но уже наделяемый человеческими чертами, изображаемый в виде богочеловека. В этом отношении его образ напоминает мистический образ «спасителя» в эллинистических культах. Но этот образ в посланиях носит еще смутные, неопределенные черты, он лишен человеческой индивидуальности, характерных личных черт. Такой же неопределенный характер носит в посланиях также и земная «история» искупительной деятельности Иисуса.

Действительно, в «Павловых посланиях» говорится, что божественный искупитель и сын божий Иисус Христос сошел с неба на землю, родился от земной женщины, в среде еврейского народа, принял на себя облик раба, подвергся смерти на кресте (орудие казни для рабов), на третий день воскрес и вознесся на небо. Но где, когда и как происходило все это, послания не говорят и не знают, по ним выходит, что земная жизнь Иисуса витает вне времени и пространства, совершенно лишена конкретной исторической обстановки.

Все это говорит о том, что в то время, когда создавались «Павловы послания», т. е. в конце I и в начале II вв., христиане попрежнему видели в Иисусе Христе божество, божественного спасителя и искупителя, но уже начинали (только еще начинали) облекать его в плоть и кровь, изображать богочеловеком, наделять человеческими чертами и создавать историю его земной жизни и деятельности. При этом они пользовались соответствующими образами и мифами эллинистических «спасителей». Кроме того, здесь ими принимались во внимание и учитывались также иудейские представления о «мессии».

«Павловы послания» дошли до нас со следами многочисленных позднейших обработок и переработок; встречающиеся в них от-

Группа В 1.

дельные места, в которых видно знакомство с евангельской историей Иисуса, являются, несомненно, позднейшими наслоениями и вставками.

Начало евангельской литературы

Христианство стало превращаться в самостоятельную религию и осознавать себя таковой в годы составления древнейших «Павловых посланий». Закончился этот процесс в первой половине II в.; тогда же была проведена христианами окончательная историзация Иисуса Христа, т. е. он был превращен ими в божественного по существу, но земного по плоти исторического деятеля и основателя самого христианства. В литературе все это нашло выражение в «евангелиях» — произведениях, будто бы написанных учениками и ближайшими последователями Иисуса.

Самое название «евангелия» христиане заимствовали из «языческой» терминологии. Греческое слово «евангелион» означает «благая, радостная весть». Это слово во множественном числе употреблялось для обозначения благодарственной жертвы по случаю хороших вестей. Христиане заимствовали этот термин и стали применять его к особого рода литературе — к повествованиям о жизни и деятельности Иисуса Христа и богородицы.

Евангелия у тогдашних христиан появились не сразу. Сначала были в ходу так называемые «логии» — коротенькие записи изречений, будто бы сказанных Иисусом. Вырабатывались и устные сказания о нем. Потом все это стало обрабатываться в цельные и связные «евангелия». Таких евангелий христианами II в. и позднее было написано несколько десятков, причем ни один из их авторов не известен. Приписывались они сказочным апостолам Иисуса и их ученикам. Так например, кроме фигурирующих в христианской библии четырех евангелий — от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, были в ходу еще евангелия от Петра, Иакова, Иуды, Никодима, от евреев, египтян, от «двенадцати» и др. Все они по-разному изображали Иисуса и его жизнь.

Отдельные общины христиан держались того или другого евангелия и только его признавали священным и надежным. В связи с этим между христианскими общинами происходили частые разногласия и велись нескончаемые споры.

Наконец, в IV в. христианская церковь произвела основательную «чистку» евангелий. Она признала священными, непогрешимыми и боговдохновенными лишь четыре евангелия и ввела их в свой библейский список и сборник — «канон», почему они стали называться «каноническими». Остальные евангелия церковь отбросила и объявила «апокрифическими» — отреченными, причем одни из них она разрешила для домашнего чтения верующим, другие запретила совсем и осудила на уничтожение.

Чистка эта была проделана победившим в церкви течением потому, что множественность евангелий и различные противоречивые рассказы о Христе, его жизни и учении сеяли смуту и сомнения в истинности всего учения и основ самой церкви.

Какова же историческая достоверность и надежность евангельских рассказов об Иисусе?

Историческая несостоятельность канонических евангелий

Канонические евангелия переполнены всяческими подробностями и повествованиями о рождении, земной деятельности, смерти и воскресении Иисуса. В отличие от «Откровения Иоанна» и «Павловых посланий» они рисуют уже конкретную обстановку земной жизни Иисуса. Однако авторы евангелий допускают здесь такие грубые исторические, географические и другие ошибки и нелепости, что уже одним этим они подрывают всякое доверие к своим произведениям.

Так например, евангелия сообщают, будто Иисус родился в Иудее (Палестина) при еврейском царе Ироде Великом и римском наместнике Квиринии. Но это утверждение является нелепостью. Царь Ирод умер за четыре года до хр. э. и после него в течение десяти лет Иудеей правил его сын Архелай. В 6 году хр. э. император Август сместил и сослал Архелая, превратил Иудею в римскую провинцию, послал туда наместником-прокуратором всадника Копония и одновременно в Иудею прибыл легат Квириний для переписи и для конфискации имущества Архелая. Таким образом, между смертью Ирода и пребыванием Квириния в Иудее при Копонии прошло десять лет. Как же Христос мог родиться одновременно при Ироде и Квиринии?

Далее, евангелия рассказывают, будто Иисус был осужден на смерть и казнен в Иерусалиме при двух иудейских первосвященниках — Анне и Каиафе. Но и этого быть не могло, так как у евреев всегда был и мог быть только один первосвященник. Из трудов тогдашнего еврейского историка Иосифа Флавия мы знаем, что Анна был первосвященником в 6—15 гг., а его зять Каиафа носил это звание с 18 г. по 36 г.; между ними было еще три первосвященника.

Наконец, автор евангелия от Марка рассказывает, будто Иоанн Креститель был казнен при царе Ироде-Антипе за то, что упрекал царя в кровосмесительном браке с Иродиадой — женой его брата Филиппа. Иродиада же добилась этой казни благодаря своей юной дочери Саломее, которая сумела пляской на пиру угодить царю (VI, 14—29).

И здесь мы видим сплошную путаницу.

На самом деле Ирод-Антипа никогда не был царем и не носил этого звания, а был простым правителем (тетрархом) одной из областей Палестины. Иродиаду он сманил от своего брата—Антипы младшего, а не от Филиппа. В то время, какое имеет в виду здесь евангелист, Саломея была уже не молодой девушкой, а взрослой женщиной — вдовой. Невероятен и самый факт пляски «царевны» на пиру: на Востоке это считалось зазорным и дозволялось только специальным танцовщицам-проституткам, чаще всего из рабынь.

Полное невежество обнаруживают евангелисты также по части географии Палестины, где будто бы протекала земная жизнь Иисуса. Так, они называют целый ряд городов и местечек: Назарет, Капернаум, Хоразин, Вифсаиду, Виффагию и некоторые другие, которых на самом деле в Палестине I—II вв. совсем еще не было. Маленькое Генисаретское озеро у них превратилось в «Галилей-

ское море». Они не приводят названия ни одной из многочислен ных гор, на которые будто бы приходилось подниматься Иисус Они не упоминают также ни одной из тех бесчисленных больших малых речек, которые впадают в Иордан и которые Иисус долже был бы переходить в своих странствованиях.

Евангелистам не известны также наиболее типичные для Пале стины дикие животные: лев, пантера, дикая кошка, шакал, гиена кабан и т. д., но зато они называют волка, который там почти с всем не водится. Из домашних животных они упоминают огромн стадо свиней, которых евреи совсем не разводили. Такая же ка тина у них и с растительным миром Палестины: они совсем не уп минают о распространенных там деревьях — оливковом, гранатово миндальном, о финиковой пальме, кедре и др.

Маленькое растение, родственное капусте — горчицу — они изоб ражают в виде огромного, развесистого дерева (Лука, XIII, 19).

Климатические, а также жилищные, бытовые и хозяйственны условия, приводимые евангелистами, тоже не соответствуют усло виям древней Палестины.

Таким образом, внимательный разбор евангелий говорит о то что их авторы не знали ни истории, ни географии, ни экономик Палестины I в., т. е. того времени, о котором они рассказываю По части конкретных, точных данных об окружавшей будто б Иисуса обстановке эти произведения оказываются несостоятельн ми и доверия не заслуживают.

Евангельские сказки о рождении Иисуса

В евангельских рассказах об отдельных моментах земной жизн Иисуса можно наблюдать много путаницы.

Для примера рассмотрим сказания о его рождении и детств Рождение это описывается только двумя евангелистами — Матфее и Лукой [1], причем оба они рисуют здесь самые противоречивые явно вымышленные картины.

Матфей рассказывает так: в южноиудейском городе Вифлеем при царе Ироде жили праведные дева Мария и престарелый му ее Иосиф. Последний однажды с огорчением узнал, что девстве ная жена его от кого-то забеременела, и решил ее прогнать. Тог ангел явился ему во сне и объяснил, что Мария зачала от свято духа, что ее сын будет носить имя Иисуса и что он явится спас телем мира. Иосиф поверил словам благовестника, оставил жену себя, и она родила сына Иисуса.

Иисус родился в Вифлееме, в доме своих родителей. Чудес звезда на небе возвестила о его рождении и привела на поклон ние к нему восточных волхвов с богатыми дарами. Узнав от н о рождении необыкновенного младенца, царь Ирод и все населен столичного Иерусалима встревожились. Желая отделаться от во можного в будущем претендента на власть, Ирод произвел масс вую резню детей в Вифлееме и окрестностях. Заранее предупре

[1] Для краткости мы пишем «Матфей», «Иоанн», «Лука», «Марк», х эти авторы евангелий вымышлены.

денные ангелом родители новорожденного Иисуса бежали с ним в Египет и жили там до смерти Ирода. После этого они вернулись в Палестину, но, боясь нового царя Архелая, поселились не в родном Вифлееме, а в северогалилейском городке Назарете (гл. I—II).

Совсем иначе рисует дело Лука.

Согласно его рассказу, родители Иисуса всегда проживали в Назарете. Там девственной Марии однажды явился ангел и сообщил ей, что она чудесно зачнет и родит сына Иисуса. Удивленная дева сначала усомнилась в возможности такого чуда, ибо она «мужа не знала», но затем покорилась неизбежному.

Римской империей тогда правил Август. Он издал декрет о всеобщей переписи населения. В Палестине эту перепись должен был проводить римский наместник Квириний.

Выполняя императорский декрет, Иосиф с беременной Марией отправились для дачи о себе сведений в далекий город своих предков — Вифлеем. Когда они добрались туда, то не нашли места в гостинице и остановились за городом, в каком-то загоне для скота. Там Мария родила своего сына Иисуса от святого духа. Чудесные знамения отметили это событие: соседним пастухам на поле явились ангелы, сообщили о рождении чудесного младенца и пропели в воздухе гимн: «Слава в вышних богу» и т. д.

По указанию ангелов пастухи разыскали младенца и его родителей и рассказали им о чудесном явлении на поле, чему все удивлялись. Затем Иосиф с Марией выполнили над Иисусом надлежащие иудейские обряды обрезания и принесения в храм, после чего спокойно вернулись в свой родной Назарет и каждый год оттуда продолжали посещать Иерусалим на празднике пасхи (I, 26—38, II, 1—4).

Таковы евангельские рассказы Матфея и Луки о рождении Иисуса Христа. В этих рассказах мы видим три основных непримиримых противоречия: в отношении времени, места и обстоятельств этого «события».

По словам ев. Матфея, Иисус родился «в дни царя Ирода», по ев. Луки — при римском наместнике Квиринии, в год всеобщей переписи населения империи при Августе. Но мы уже знаем, что между смертью Ирода и прибытием Квириния прошло десять лет. Кому же верить? Ведь если поверить Матфею с его Иродом, то сам собою отпадает весь рассказ Луки. А если верить Луке, то теряет смысл рассказ Матфея. Примирить это противоречие нельзя.

Так же непримиримы между собой евангельские рассказы и о родном городе Иисуса, местопребывании его родителей. Где же обычно жили Иосиф с Марией: в иудейском Вифлееме или же в галилейском Назарете? Не забудем при этом, что, как мы уже отмечали раньше, Назарет в те времена совсем еще не существовал. Остается Вифлеем, но и этот город отпадает, так как Матфей сам же указывает, что он выводит его местом рождения Иисуса лишь по особым соображениям: согласно мессианским чаяниям иудеев, мессия будто бы должен был родиться именно в Вифлееме, откуда происходил родом царь Давид.

Не спелись евангелисты между собой и в описании обстоятельств

рождения Иисуса. У Луки рождение и младенческие годы Христа протекают в мирной обстановке, не омрачаемой никакими особыми невзгодами. Картина Матфея, наоборот, написана в мрачных тонах. В ней мы видим ревнивого к власти деспота Ирода, козни против младенца Иисуса и его родителей, массовую резню вифлеемских детей, бегство Иосифа с Марией на далекую чужбину и т. д. и т. п.

Так по-разному евангелисты изобразили рождение Иисуса Христа. Что же касается вообще достоверности обеих этих картин, то их сказочный, мифологический характер совершенно ясен. Можно ли верить хоть в чем-нибудь рассказам, сплошь построенным на чудесах со святым духом, ангелами, непорочно забеременевшей девой, божественным младенцем, таинственными волхвами, вещими снами и т. п.?

Совершенно очевидно, что перед нами религиозные сказки, мифы, а не история, не описание исторического события.

Материал для этих мифов евангелисты заимствовали в массе из мира современных им иудейских и «языческих» сказаний, а также их ветхозаветной литературы — «писания». В древнем мире существовало много сказаний о различных богах и героях, что они будто бы были непорочно зачаты своими матерями-девами, подвергались при рождении различным преследованиям и чудесно спасались.

Так например, египтяне рассказывали, что их богиня Изида девой чудесно зачала и родила своего сына Гора и вместе с ним спаслась бегством от козней коварного божества Сета. Ассирийский царь Саргон I в одной надписи рассказывает, что мать непорочно родила его в потаенном месте и была вынуждена бросить его в реку, но он был спасен и затем с помощью богини Иштар достиг престола. Мы уже видели, что таким же чудесным образом будто бы родились от своих матерей-дев многие эллинистические «спасители». Во всех этих случаях отцами чудесных младенцев являлись будто бы боги. Римляне приписывали такое рождение своему «спасителю» Августу: мать родила его от бога Аполлона, а сенат, опасаясь за свою власть, старался погубить всех детей, родившихся в тот год.

У древних евреев тоже существовало много подобных сказаний, частично попавших в ветхозаветную библию. Они рассказывали, например, будто сам бог и ангелы предсказали рождение патриарха Исаака (Бытие, XVII—XVIII) и силача Самсона (Книга Судей, XIII). Сказочному Моисею в детстве угрожала опасность: фараон (египетский царь), опасаясь за себя и за свое царство, приказал умерщвлять всех еврейских младенцев в своей стране, и только чудо спасло Моисея.

Согласно еще одному еврейскому сказанию, царь Нимврод увидел на небе странную звезду; волхвы объяснили ему, что она возвещает о рождении младенца, родоначальника великого народа, которому суждено в будущем владычествовать над миром; тогда Нимврод повелел умертвить всех младенцев в своем царстве, но мать чудесного младенца — будущего патриарха Авраама, преду-

прежденная об опасности, спаслась бегством и родила сына в пещере.

Ограничимся приведенными примерами. Несомненно, евангелисты весь основной мифологический материал для своих рождественских сказок об Иисусе заимствовали из мира «языческих» и иудейских сказаний, причем подвергли его своей христианской переработке. Они старались показать, что Иисус Христос был сыном божьим, богочеловеком и тем чаемым «спасителем», о котором будто бы предсказывали еще ветхозаветные пророки, что он некогда родится на земле и что его рождение произойдет в такой же чудесной обстановке.

Родился Иисус будто бы для спасения всех людей и для установления всеобщего «мира на земле», т. е. для прекращения классовой борьбы между эксплоатируемыми обездоленными массами рабов и бедноты и правящей кликой эксплоататоров.

Противоречия в евангельском учении Иисуса

Если верить евангельским рассказам, то деятельность Иисуса на земле, среди людей заключалась в проповеди нового учения и творении чудес. Они приводят даже содержание учения Иисуса в виде отдельных кратких изречений, притч и длинных проповедей. Но и здесь мы в евангелиях встречаем на каждом шагу всяческие противоречия, причем все евангелисты непримиримо противоречат друг другу, а часто даже и самим себе.

Так например, у Матфея Иисус в одном месте говорит: «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами божиими» (V, 9), а в другом: «не мир пришел я принести, но меч» (X, 34); или: «всякий гневающийся на брата своего подлежит суду» (V, 22), и: «я пришел разделить сына с отцом его, дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (X, 35); «никто не может служить двум господам» (VI, 24), и: «отдавайте кесарево кесарю, а божие богу» (XXII, 21).

Или еще: «не судите, да не судимы будете» (VII, 1), и: «сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен израилевых» (XIX, 28); «блаженны нищие духом» (V, 3), и: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (X, 16); «возлюби ближнего своего, как самого себя» (XXII, 39), и: «нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (т. е. проповедывать учение среди язычников; XV, 26).

Таких примеров противоречий евангелиста самому себе, когда он будто бы приводит слова Иисуса, можно было бы привести множество. Еще больше противоречий мы находим при сопоставлении различных евангелий.

Так например, у Марка Иисус говорит: «во всех народах (языческих) прежде должно быть проповедано евангелие» (XIII, 10), а у Матфея наоборот: «на путь к язычникам не ходите» (X, 5). У Матфея Иисус заповедует почитать родителей: «почитай отца и мать» (XV, 4), а у Иоанна высокомерно отказывается от своей матери со словами: «что мне и тебе, жено?» (т. е. «женщина, что общего между мной и тобой»; II, 4). У Матфея Иисус говорит: «бла-

жены кроткие, ибо они наследуют землю» (V, 5), а у Иоанна: «царство мое не от мира сего» (XVIII, 36).

Ограничимся хотя бы этими примерами противоречий в евангельском изложении учения Иисуса.

Далее, это учение не только противоречиво. Многое в нем неоригинально ни по содержанию, ни по форме, надергано из различных мест ветхозаветной литературы — «писания», из талмудических произведений и др. Венцом евангельского учения Иисуса церковники выставляют пресловутую «нагорную проповедь».

В «нагорной проповеди» центральным местом учения Иисуса верующие считают «заповеди блаженств», числом девять. Почему этих заповедей девять и почему все они начинаются словом «Блаженны?» Вместо ответа приводим следующее место:

1) «Блажен боящийся имени господа...»

2) «Блажен творящий суд праведный...»

3) «Блажен одевающий нагих и хлеб свой отдающий алчущим...»

4) «Блажен судом праведным судящий сироту и вдовицу...»

5) «Блажен отвращающийся от шатких путей мира сего...»

6) «Блажен сеющий семя справедливости, ибо он пожнет седмерицей...»

7) «Блажен хранящий истину...»

8) «Блажен имеющий на устах любовь, а в сердце кротость...»

9) «Блажен разумеющий дела господни...»

Девять, ровно девять «заповедей блаженств», как по содержанию, так и по форме почти аналогичных евангельским. Откуда взяты они? Мы привели их из иудейской апокрифической «Книги Еноха», написанной задолго до евангелий.

Далее, у евреев существует молитва «кадиш», начинающаяся словами: «Боже, да святится имя твое в мире, сотворенном тобой по желанию твоему, да приидет царствие твое, да свершится спасение наше, да приидет помазанник (мессия) твой» и т. д. Эта молитва очень древняя и в течение веков не раз видоизменялась.

Принадлежащая, по евангелиям, Иисусу молитва «Отче наш» является одной из древних форм иудейского «кадиша», заимствованной ранними христианами.

Как видим, приписываемое в евангелиях Иисусу учение противоречиво: Иисус в них то выступает против войны и насилия, то стоит за вооруженную борьбу; он то против богатства и богачей, то за них; он то отвергает «закон» иудейской религии, то настаивает на его соблюдении.

Единого, стройного, последовательного религиозного учения в евангелиях нет, а есть только беспорядочный набор различных высказываний, постановлений, правил, заповедей, которые никогда не могли быть предложены и высказаны одним и тем же лицом. Несомненно, что вся эта мешанина отразила в себе борьбу различных взглядов и течений внутри христианских общин, когда каждое такое течение выдавало свои взгляды за учение Иисуса, приписывало их ему.

Однако в этой мешанине, несмотря на всю ее пестроту, ясно

выступает одна общая политическая линия, делавшая и делающая «евангельское учение» Иисуса сугубо реакционным.

Уже «Павловы послания» признавали рабовладельческий строй Римской империи как установление божие и настойчиво призывали массы мириться со своим положением. Они учили, что всякая власть на земле установлена богом и что поэтому необходимо беспрекословно повиноваться ей. Обращаясь к наиболее обездоленным слоям населения империи — к рабам, послания предписывали им беспрекословное повиновение господам. Женщин, чье бесправное положение в семье и в обществе было тогда особенно тяжело, послания призывали к рабскому повиновению мужьям и вообще главам семейства.

Евангелия пошли еще дальше: они не только признали рабовладельческий строй империи, но и призывали христиан поддерживать этот строй. Устами сказочного Иисуса евангелия провозгласили реакционный политический лозунг: воздайте кесарево кесарю, божие богу. Отвлекая бедноту от классовой борьбы, евангелия увещевали ее находить утешение в религии Христа, не противиться социальному злу и заботиться не о «хлебе насущном», а о душе и ее спасении. Рабам евангелия предписывали не только повиноваться, но даже выслуживаться перед хозяевами, грозя «ленивым и лукавым» из них всякими ужасами. Самого Христа евангелия изображали частым гостем богачей-рабовладельцев.

Чудеса Иисуса

Как мы уже отмечали, деятельность Иисуса заключалась, по свидетельству евангелий, в проповеди нового учения и в творении чудес. Рассказам о чудесах Иисуса отведено очень много места в евангелиях, изображающих его великим чудотворцем. Все эти рассказы являются явными нелепостями, вымыслом, сказками. Наука доказала, что чудеса, связанные с нарушением законов природы, невозможны, и всякие рассказы о них — сознательный или бессознательный обман.

Евангелия писались в такое время, когда сказки о чудесах были очень распространены и приписывались самым различным «чудотворцам».

Не было ни одного божества в древности, которому не приписывали бы чудотворной силы и деятельности. Рассказами об их чудесах полна литература того времени. В качестве примера сошлемся хотя бы на поэму «Метаморфозы» римского писателя эпохи Августа — Овидия. Великим чудотворцем древности считался, например, греко-римский бог врачевания — Асклепий, или Эскулап, которого врачи считали своим небесным патроном, покровителем. Стены его храмов в г. Эпидавре (Греция) и в других местах были увешаны сделанными из золота, серебра и других материалов изображениями глаз, рук, ног и других частей тела, будто бы исцеленных этим божеством. Изображения эти, с соответствующими благодарственными надписями помещали там «исцеленные» верующие. До нас дошло много таких надписей, изображений и рассказов о чудесах.

Вот, например, одна из надписей из храма Эскулапа, под Римом, от середины II в.: «Валерию Апру, ослепшему воину, бог дал указание пойти взять кровь белого петуха с медом, растереть в мазь и в течение трех дней мазать ею глаза. И он прозрел и придя всенародно возблагодарил бога». Сохранился рассказ, как один больной мальчик пришел однажды в храм Асклепия, чтобы узнать от бога средство от болезни. Асклепий будто бы явился во сне мальчику и спросил его: что тот подарит ему в награду за исцеление? Мальчик подумал и по-детски сказал: «костяные бабки». Бабки эти он, повидимому, считал наиболее дорогим и соблазнительным подарком. Асклепий рассмеялся над наивностью ребенка и исцелил его.

Великим чудотворцем считались в греко-римском мире также боги: Аполлон, братья Диоскуры — Кастор и Поллукс, Дионис и многие др. Про Диоскуров рассказывали, будто они чудесно спасают моряков от кораблекрушения, Аполлон исцеляет и предсказывает будущее, а Дионис в день своего январского праздника «богоявления» превращает воду в вино. Масса сказаний о различных чудесах была связана в древности также с именем легендарного мудреца Аполлония Тианского, которого «язычники» в III—IV вв. противопоставляли Иисусу Христу.

У древних евреев тоже была широко распространена вера в чудеса. Рассказами о чудесах была полна их библия. Больше всего чудес приписывалось в этой библии сказочным Моисею, Иисусу Навину, Илье и Елисею. Про них рассказывалось там, будто они чудесно ходили по воде, насыщали толпы людей малым количеством пищи, исцеляли различных больных и даже воскрешали мертвых.

Евангельские рассказы о чудесах Иисуса, несомненно, были созданы из всего этого «языческого» и ветхозаветно-иудейского мифологического материала. Еще Д. Штраус (либеральный немецкий богослов) в своей «Жизни Иисуса» путем кропотливого сопоставления евангельских и ветхозаветных текстов доказал, что многие чудеса Иисуса были списаны христианами с ветхозаветных сказаний о Моисее, Илье и Елисее.

Что же касается самого главного «чуда» Иисуса — его собственного воскресения из мертвых и вознесения на небо, то это чудо мы уже встречали почти во всех эллинистических культах «спасителей». Да и древние евреи рассказывали, что их Енох, Моисей и Илья тоже вознеслись живыми на небо.

Ранние христиане, которые противопоставляли своего нового бога и спасителя — Иисуса Христа — всем божествам, героям и деятелям «языческого» и иудейского мира, не могли не приписать ему качеств и черт величайшего и непревзойденного чудотворца.

«Это было время, когда даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическое смешение грубейших суеверий различных народов принималось без всяких околичностей и дополнялось благочестивым обманом и прямым шарлатанством; время, когда виднейшую роль играли чудеса, экстазы, видения, привидения, гадание о будущем, изготовление

золота, каббала и прочая мистическая чепуха. Такова была атмосфера, в которой возникло раннее христианство, возникло к тому же среди людей такого класса, который больше всякого другого был восприимчив к этим фантазиям о сверхъестественных вещах»[1].

Судебный процесс и казнь Иисуса

Важнейшее место в евангельском описании земной жизни Иисуса занимают рассказы об аресте, судебном процессе и казни Иисуса через распятие на кресте. Однако эти рассказы опять-таки совершенно не заслуживают доверия и являются нелепыми вымыслами.

Евангелисты, например, рассказывают, будто один из апостолов — Иуда — предательским поцелуем выдал Иисуса за «30 сребренников» врагам, иерусалимским жрецам. Но ведь враги эти, если верить евангелиям, и без того должны были хорошо знать Иисуса в лицо и могли выследить его проще: он целыми днями открыто проповедывал в Иерусалиме. Арестовали Иисуса будто бы сами жрецы и их вооруженные воины в пасхальную ночь. Однако известно, что иудеям воспрещалось под праздники заниматься мирскими делами, а тем паче применять оружие.

Нелепо также евангельское описание судебного процесса Иисуса.

Согласно евангелиям, арестованного Иисуса судили и присудили к распятию на кресте главы иудейского народа — первосвященники, старейшины и книжники. Но такого судебного органа у евреев не было. Первосвященник же мог быть только один, причем он был лишен римлянами судебной власти и тем более не имел никакого права присуждать к смертной казни, которая, заметим кстати, у евреев производилась через побитие камнями, а не через распятие на кресте.

Евангелия рассказывают, будто Иисуса судили в доме первосвященника, но и этого быть не могло, так как, по еврейским законам, суд — синедрион — заседал и имел право заседать только в особом помещении при иерусалимском храме и ни в коем случае не в частном доме, хотя бы даже самого первосвященника.

Судили Иисуса будто бы в пасхальную ночь. Но, по иудейским законам, суд не имел права устраивать свои заседания ночью или вечером; судопроизводство совершалось только днем. Совершенно не разрешалось устраивать судебные заседания накануне суббот и вообще праздников, а также в дни самых праздников и в особенности на пасху.

У евангелиста же Иоанна Иисуса судят накануне пасхальной субботы, у остальных евангелистов — в самую пасхальную ночь и на следующее праздничное утро. Сплошная юридическая нелепость даже для того времени, когда римляне еще не отняли у евреев права суда.

---

[1] Энгельс — К истории раннего христианства. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 416—417.

Явным абсурдом является также евангельское описание самого судебного процесса Иисуса. Иисуса будто бы осудили на смерть за богохульство, за то, что он назвал себя сыном божиим, но евреи считали и называли бога своим отцом, а себя — его сынами.

Так же смехотворно евангельское описание суда над Иисусом, будто бы совершенного перед римским наместником Пилатом. Прежде всего надо заметить, что официальным местопребыванием римских наместников вообще, Пилата в частности, в Палестине был город Кесария, или Цезарея, а не Иерусалим. Затем, Пилат отличался самодурством, жестокостью и ненавистью к евреям. В евангелиях же он изображается робким и трусливым правителем и судьей: он будто бы, хотя и признает Иисуса невинным, заискивающе просит у еврейской толпы разрешения освободить подсудимого и уступает ей в ее требовании казни. Кстати отметим, что обычай умывать руки в знак невиновности — не римский, а еврейский.

Стоит ли добавлять еще, что никакого пасхального обычая в тогдашнем Иерусалиме отпускать на волю одного из преступников не было и весь евангельский эпизод с Вараввой так же вымышлен, как вымышлено и издевательство римских воинов над Иисусом.

Иисуса будто бы распяли на кресте, прибив к нему гвоздями, причем он сам нес на Голгофу этот крест. Так ли? Распятие в те времена применялось главным образом к рабам и к военнопленным и производилось оно совершенно иначе: в землю заранее врывали простой столб, иногда с перекладиной в виде буквы «Т», жертву подтягивали к его верхушке, привязывали веревкой или цепью и оставляли умирать от жажды, голода и т. д. Столб этот вида креста не имел, осужденный его не нес и гвоздями к нему не прибивался.

Во всем описании последних дней земной жизни Иисуса евангелисты также противоречат друг другу. В качестве примера приведем хотя бы их тексты надписи, будто бы выставленной на кресте Иисуса:

у Марка — «Царь иудейский»;
у Иоанна — «Иисус Назарей, царь иудейский»;
у Луки — «Сей есть царь иудейский»;
у Матфея — «Сей есть Иисус, царь иудейский»;

Что же касается обстоятельств самой смерти и воскресения Иисуса, будто бы отмеченных особыми чудесами: затмением солнца, землетрясением, разрывом храмовой завесы, выходом покойников из могил, исчезновением тела Христа, его посмертными явлениями ученикам и т. д., — то на явной сказочности их останавливаться не стоит. Таких сказок много гуляло по свету во времена евангелистов, и их рассказывали в связи со смертью и воскресением многих сказочных личностей.

Сказками об аресте, суде, смертной казни и воскресении Иисуса евангелисты старались конкретно изобразить его страдающим и воскресающим божественным спасителем и в то же время реальным, историческим лицом и деятелем. Иначе говоря, здесь, как и во всем евангелии, они проводили историзацию божества Иисуса.

Полное молчание нехристианских авторов I—II вв. об Иисусе

Итак, евангельские рассказы о земной жизни Иисуса не заслуживают ни малейшего доверия, являются мифами и отнюдь не свидетельствуют в пользу историчности Иисуса, а наоборот, лишь подтверждают его мифичность. Иных документальных данных в защиту того, что Иисус когда-то действительно жил на земле, тоже нет, так как позднейшие христианские произведения II—III вв. являются лишь пересказами евангельских сказок.

Равным образом археологические памятники ранних христиан, как-то: различные надписи, предметы обихода и культа, роспись на стенах катакомб — подземных кладбищ и т. д., также не дают ни малейшего указания на Иисуса как на реального, исторического деятеля.

Встречающиеся в катакомбах изображения «доброго пастыря» (пастуха с овечкой на плечах), которые выдаются церковниками за раннехристианские символические образы Иисуса Христа, на самом деле свидетельствуют лишь о почитании греческого божества Гермеса-Криофора («Несущего ягненка») и Орфея орфических «таинств».

Что же касается катакомбных изображений рыбы и ягненка-агнца, в которых церковники тоже усматривают раннехристианские символы Христа, то на самом деле эти символы были заимствованы христианами из «языческих» религий и означали: рыба — «спасение», а ягненок — «невинность и чистоту души» того или иного умершего человека («агнец» изображался только на надгробиях). По существу же все эти раннехристианские изображения «пастыря доброго», Орфея, рыбы и агнца, даже если бы они относились к Иисусу, ничего не дают в защиту его историчности. Ведь все это — мифологические сюжеты. Кроме того все эти изображения относятся к тому времени, когда уже существовала евангельская мифология.

Таким образом, никаких заслуживающих доверия данных в защиту историчности Иисуса раннехристианские документы и памятники не дают. Но, может быть, о личности Иисуса и о его земной деятельности что-либо достоверное сохранила нам нехристианская литература I—II вв.?

И этого нет.

Ни один из нехристианских писателей того времени, труды которых дошли до нас целиком или частично, ни единым словом не упоминает об Иисусе, как человеке. А писателей этих было много. Так, в те годы жили: в Греции — историк и моралист Плутарх (40—120 гг.); в Риме — философ Сенека (умер в 65 г.), поэты: Персий (34—62), Лукан (39—65), Марциал (40—103), Ювенал (45—130), историки: Тацит (54—119), Плиний Младший (61—113), Светоний (родился в 75 г.) и ряд других. Из тогдашних еврейских писателей следует назвать философа Филона (умер в 54 г.) и историка Иосифа Флавия (37—100).

Ни один из этих писателей ни единым словом не только не упоминает об Иисусе Христе как историческом деятеле, но ничего вообще не сообщает о нем. А между тем все эти писатели в сво-

их произведениях называют имена многих крупных и мелких лиц своего времени, описывают отдельные события их жизни, отмечают время и место их деятельности. Особенно красноречиво здесь гробовое молчание об Иисусе тогдашних еврейских авторов — Филона и Иосифа Флавия. Оба они были крупными писателями своего времени, принимали живейшее, активное участие в политической и религиозной жизни своего народа и оставили подробнейшее описание тех событий и лиц, которые интересовали и волновали тогда евреев.

Умолчать, не упомянуть об Иисусе все эти писатели не могли бы, если бы он действительно жил в их время, выступал со своей проповедью или делал хоть что-нибудь из того, что приписывают ему евангелия и церковь.

Внехристианские «свидетельства» об Иисусе

Некоторые церковники отрицают молчание нехристианских авторов об Иисусе и ссылаются на труды некоторых из этих авторов, где действительно имеются отдельные сообщения о Христе и ранних христианах. Однако эти «внехристианские свидетельства об Иисусе» или являются церковной фальсификацией, или ничего не говорят в защиту историчности Христа. Чтобы убедиться в этом, познакомимся кратко с этими «свидетельствами».

Здесь прежде всего церковники указывают на труды еврейского историка Иосифа Флавия. Но в дошедшей до нас «Иудейской войне», которую Иосиф написал около 74 г., об Иисусе не говорится ни слова. Только во втором труде Иосифа — в «Древностях иудейских», которые он написал в 90-х годах I в., имеется большой отрывок об Иисусе. Чтобы достаточным образом оценить это «свидетельство», рассмотрим содержание третьей главы XVIII книги «Древностей», где содержится этот отрывок. Вся эта глава посвящена у Иосифа описанию ряда бедствий, постигших еврейский народ.

В первом абзаце рассказывается о том, как римский наместник Пилат внес в Иерусалим знамена с императорскими изображениями, что возбранялось иудейским «законом», и вызвал этим массовое восстание среди евреев. Во втором абзаце сообщается о новом народном восстании в Иерусалиме, когда Пилат задумал на похищенные им из храма деньги провести водопровод. Собрались десятки тысяч возмущенных евреев и требовали прекращения начатых работ. Пилат тогда переодел в гражданское платье своих воинов, разместил их среди народа и приказал всем разойтись.

Дальше текст Иосифа Флавия продолжается следующим образом:

«Когда толпа опять надвинулась с ругательствами, Пилат дал солдатам условленный знак. Они же разъярились и начали расправляться гораздо резче, чем приказал Пилат, нападая без разбору на тех, кто шумел, и на совершенно безвинных, так что из безоружной массы, захваченной людьми, приготовившимися к нападению, многие оказались убитыми, многие получили увечья. Так окончился этот мятеж.

В это время выступил Иисус, человек глубокой мудрости, если только правильно называть его человеком. Совершитель чудесных дел, он был учителем людей, воспринимавших с радостью истину; и многих, как иудеев, так и греков, он привлек на свою сторону. Он был христом. Когда по доносу первенствовавших у нас людей Пилат распял его на кресте, не поколебались те, кто впервые его возлюбили. На третий день он снова явился к ним живой, о чем, равно как и о тысяче других чудесных дел, предсказывали божественные пророки. И сейчас еще существует род христиан, получивших от него свое имя.

В эту же пору еще другое страшное дело взволновало иудеев, и вместе с тем в храме Изиды, что́ в Риме, произошли дела позора несмываемого. Сначала я расскажу о дерзости, совершенной в связи с культом Изиды, а потом перейду к событиям, касающимся иудеев. В Риме жила некая Паулина...»

Затем у Иосифа идет рассказ о том, как в Риме богатый всадник Мунд с помощью жрецов Изиды обманул и изнасиловал в ее храме добродетельную матрону Паулину, причем дело открылось, храм разрушили, жрецов распяли, а Мунда сослали. После этого Иосиф переходит к бедствию, разразившемуся в Риме над иудеями по вине одного из них, который обманным путем выманил у одной аристократки золото и промотал его со своими сообщниками. За это император Тиберий приказал изгнать из Рима всех евреев, а четыре тысячи из них забрать в солдаты и отослать на остров Сардинию.

Таков в переводе дошедший до нас греческий текст третьей главы XVIII книги «Древностей» Иосифа Флавия. Третий абзац этой главы, говорящий об Иисусе, является, несомненно, позднейшей вставкой самих христиан.

Прежде всего подложность этого «свидетельства» выдается уже самым местом, где оно находится в тексте Иосифа: этот отрывок резко нарушает ход рассказа Иосифа о бедствиях евреев. Дальше, самое содержание этого отрывка выдает знакомство его автора с евангельскими рассказами о деятельности, смерти и воскресении Христа, тогда как евангелия были написаны лет на 30—40 позднее «Древностей». Главное же — автор отрывка признает Иисуса не только великим чудотворцем и проповедником нового учения, но и божественным христом, т. е. спасителем. Другими словами, автор отрывка—христианин, Иосиф же был правоверным иудеем.

И наконец, ни один из церковных авторов первых веков не упоминает об этом отрывке об Иисусе у Иосифа: его не знают, его не приводят и на него не ссылаются ни Юстин, ни Ириней, ни Тертуллиан, ни Климент Александрийский и др. Первое упоминание и знакомство с данным отрывком мы встречаем только у церковного историка Евсевия, около 320 г. Из этого следует, что это «свидетельство» было сфабриковано и текст Иосифа подделан незадолго до этого времени, в начале IV в., а может быть, как думают некоторые исследователи, даже самим Евсевием.

Эта фальшивка не попала и не могла попасть во все существовавшие тогда рукописи «Древностей» Иосифа. В руках константи-

нопольского патриарха Фотия, в IX в., был экземпляр «Древностей», где этот текст отсутствовал. Такой же экземпляр, без вставки об Иисусе, имел также исследователь Гифаний, в XVI в. Зато до нас дошло несколько греческих рукописей «Иудейской войны» Иосифа, где эта вставка фигурирует в самых различных местах. Характерно, что в одной из этих рукописей фальшивка эта дополнена еще следующими словами:

«Все же праведные и неправедные будут подвергнуты суду по слову божию, ибо ему (Иисусу) отец дал суд. И вот он, творя волю отца, явится в качестве судьи; это — тот, кого мы называем Христом. Это не Минос и не Радамант (мифические загробные судьи), как у вас, эллинов; судьей назначил его бог и отец, в чем убедились мы, ищущие правды; каждому он вынесет соответствующий приговор отца, всем и каждому он воздаст по делам их. Люди, ангелы и демоны, поставленные пред судом его, единогласно воскликнут: справедлив его суд!

Когда раздастся этот глас, всем будет воздано должное. Творившим добро он назначит вечное блаженство, погрязшим во зле — вечное наказание. Для последних предназначен вечный неугасимый огонь; некий червь, живущий в огне, неустанный, но не уничтожающий тела, и постоянная боль будут пронизывать их плоть».

Все эти подлоги — вставки о Христе — явно сфабрикованы из евангельского материала. Эта фальсификация, повидимому, не удовлетворяла некоторых церковников, и они взамен ее сфабриковали другую. До нас дошел древнеславянский перевод «Иудейской войны» Иосифа в рукописях XVI—XVII вв., в котором вставки о Христе имеют совершенно иной вид (см. нашу статью — «Иосиф Флавий об Иисусе и Иоанне Крестителе» в журнале «Атеист», № 36 за 1929 г.).

Такой же христианской вставкой является коротенькая заметка в девятой главе XX книги «Древностей», где рассказывается, как первосвященник Анна незаконно казнил некоего «Иакова, брата Иисуса, называемого христом». Слова — «брата Иисуса, называемого христом» — тоже являются несомненной вставкой и опираются на вышеприведенные подложные сообщения у Иосифа.

В древние времена, когда еще не было книгопечатания, а книги писались и переписывались от руки, подделать любое произведение было не трудно. Ведь каждый собственник чьей-нибудь рукописи мог делать, что хотел с ее текстом: изменять его, сокращать, дополнять. Затем с такой рукописи делались новые списки, и искаженный текст таким образом закреплялся. Невозможно было только подделать все рукописи какого-либо произведения, если они находились в разных местах и у разных лиц. В результате этого могли находиться в обращении рукописи одного и того же произведения, но с различным текстом — подлинным и искаженным. Это мы и наблюдаем на примере с рукописями обоих произведений Иосифа Флавия.

Итак, приводимое некоторыми церковниками в защиту историчности Иисуса «свидетельство» Иосифа Флавия является в действительности христианским подлогом IV в.

Некоторые церковники ссылаются еще на римского историка Светония, который в своем «Жизнеописании двенадцати цезарей», в биографии императора Клавдия между прочим пишет: «Иудеев, которые, по подстрекательству Хреста, заводили непрестанные смуты, он (Клавдий) изгнал из Рима» (гл. XXV). Но это замечание Светония отнюдь не может относиться к Христу, про которого ведь нигде не говорится, что он был когда-либо в Риме. Имя «Хрест» было распространено в античное время среди рабов и вольноотпущенников. Светоний в этой своей заметке, повидимому, называет кого-то из этих лиц. Значит, и это «свидетельство» об Иисусе отпадает.

К числу внехристианских «свидетельств» об Иисусе некоторые относят также письмо римского автора Плиния Младшего. Действительно, в дошедшем до нас сборнике многочисленных писем Плиния имеется одно (X, 96), которое он будто бы послал, будучи наместником области Вифинии, императору Траяну; там же имеется и ответное письмо Траяна. В своем письме Плиний сообщает императору, что в его области развелось много христиан, что по требованию населения он привлекает отдельных христиан к суду и что у этих христиан имелся обычай «в определенный день собираться на рассвете и читать, чередуясь между собою, гимн Христу как богу» (перевод письма и ответа Траяна см. у А. Рановича — «Первоисточники по истории раннего христианства», стр. 158—159. ГАИЗ 1933 г.).

Подлинность этого письма Плиния оспаривается многими учеными. Но даже если бы оно было и подлинным, оно все равно ничего не говорит в защиту историчности Иисуса. Ведь в этом письме отмечается только то, что тогдашние христиане славословили Христа как бога. Об Иисусе как исторической личности здесь нет ни слова. Ранние христиане времен Плиния действительно считали Христа божеством, но отсюда отнюдь не следует, что они считали его и реальным человеком, историческим деятелем.

Наконец, у церковников имеется еще «свидетельство» римского историка Тацита о Христе. В дошедших до нас «Анналах» этого историка (XV, 44) рассказывается, будто бы император Нерон обвинил в поджоге Рима группу христиан и подверг их утонченным пыткам. «Это имя (христиан),—читаем там,—происходит у них от Христа, который при Тиберии был предан казни прокуратором Понтием Пилатом».

Это место у Тацита, несомненно, тоже является христианской подделкой. Тацит, хорошо знавший греческий язык и бывший солидным историком, никогда не назвал бы в своем труде Иисуса только «Христом», т. е. «помазанником»: он привел бы его имя, а не прозвище. Кроме того самое описание у Тацита расправы над римскими христианами не соответствует обстановке в Риме того времени и не соответствует даже его стилю, манере писать. Во всем этом месте у Тацита чувствуется рука христианского фальсификатора.

Но даже если допустить подлинность всего отрывка о Христе и христианах у Тацита, то все равно и оно не может считаться надежным свидетельством в защиту историчности Иисуса. Тацит пи-

сал свои «Анналы» между 112—119 гг., т. е. тогда, когда у христиан уже происходила историзация сказочного Иисуса, когда у них уже создавались сказки о земной жизни, общественной деятельности и смерти Христа, когда уже появлялись первые евангелия. Тацит мог прямо или косвенно познакомиться со всеми этими христианскими сказаниями о Христе и его смерти и использовать их для своего труда. Таким образом, отпадает и «свидетельство» Тацита.

Что же касается древнейших сообщений о Христе в талмуде, то даже сами церковники из более хитрых и осторожных не отваживаются ссылаться на них. А. Ранович, сделавший соответствующую выборку из талмудической литературы, пишет: «Все данные талмуда о христианстве и Иисусе представляют собою самое нелепое смешение мифов и легенд, навеянных уже христианской традицией и не имеющих хотя бы отдаленнейшей связи с какими бы то ни было историческими событиями, с какой бы то ни было исторической обстановкой» (назв. соч., гл. «Талмуд о Христе и христианстве», стр. 171).

Таковы пресловутые «внехристианские свидетельства» о Христе. Как мы видим, ни одно из них не имеет силы, не подтверждает историчности Христа. Наоборот, уже тот факт, что христианские «отцы церкви» еще в древности вступили на путь фальсификации произведений нехристианских авторов, лишь свидетельствует о неисторичности Христа, о полном отсутствии надежных данных о нем как исторической личности.

«Мощи» как церковные доказательства историчности Иисуса и его близких

Однако церковники не ограничиваются всеми перечисленными «свидетельствами» в защиту историчности Христа и преподносят еще одну группу «неоспоримых доказательств» этой историчности: целый ряд «мощей» и других «святынь» от самого Христа и от близких ему лиц. Все эти «вещественные доказательства» будто бы были «обретены» ими и выставляются на поклонение верующим в различных церквах и соборах католического Запада и православного Востока.

Что же церковники «обрели» от Христа и его близких?

Прежде всего церковники «обрели» от детских годов Христа 3 экземпляра «святого пупа», будто бы отрезанного у Иисуса при рождении; два этих «пупа» они показывали во французских городах Клермоне и Шалоне, третий до сих пор почитается в Риме, в Латеранском соборе. В том же Риме, в храме апостола Павла, хранятся «святые пеленки» младенца Иисуса; другой экземпляр этих «пеленок» имеется в главном соборе г. Аахена. В московском Благовещенском соборе попы показывали «камень от яслей Иисуса».

В г. Генуе монахи выставляли на поклонение «святое сено», будто бы бывшее в яслях под младенцем Христом. Церковники также учли замечание евангелий об обрезании Христа как еврея и «обрели» 17 экземпляров его «святой крайней плоти». Эти экземпляры они показывают в церквах городов Клермона, Антверпена,

Рима и др. В Иерусалиме и в Латеранском соборе показывали даже «лучи вифлеемской звезды», которая будто бы блистала при рождении Христа.

Далее, церковники показывали и показывают 14 «святых кувшинов» из-под вина от брачного пира в Кане Галилейской, где Христос будто бы чудесно превратил воду в вино. В римских церквах Марии Новой и апостола Фомы имеются куски «святых пяти хлебов», которыми Иисус будто бы чудесно насытил большую толпу. В главном соборе г. Марселя показывали также куски «святых жареных рыб», будто бы тоже фигурировавших при чудесном насыщении толпы. В главном соборе г. Дублина (Ирландия) хранится «святой посох» Иисуса; в Латеранском соборе — «святые башмаки» Иисуса; в испанском Эскуриале — пара «святых сандалий» Иисуса.

От «тайной вечери» Иисуса церковники обрели «святой стол», «святое кресло», «святую скатерть» в 4 экземплярах, «святое блюдо» в 5 экземплярах, 2 «святых ножа», 5 «святых чаш», куски «святого хлеба» и 4 «святых полотенца», причем на одном они показывают «пятна от ноги Иуды-предателя».

В московском Благовещенском соборе и в парижском Соборе богоматери имелись два «святых терновых венца» Иисуса. Часть третьего «тернового венца» и три «пуговицы от ризы богородицы» в 1588 г. подарил московскому царю Федору константинопольский патриарх Иеремия и получил за это «двойной серебряный кубок и четыре портища (куска) разноцветного бархата, камку и два сорока соболей и деньгами 300 рублев». Другие части «венца» и «святые шипы» от него показывают более чем в 800 церквах и соборах.

Нет почти ни одной более или менее крупной церкви, где бы церковники не показывали частиц от «креста господня». Большое количество таких «частиц» было продано греческими церковниками московским царям; за них они получали ценные меха и деньги. Например, за одну такую «святыню» некий грек Константин получил от царя Михаила Романова «сорок соболей в 30 рублев, сорок соболей в 20 рублев, а всего на 50 рублев». Царица Елисавета за такую же щепку заплатила 4 тысячи рублей. Некоторые писатели подсчитали, что если бы собрать все куски «креста господня», которые хранятся попами в церквах, то получился бы целый корабль с тесом.

«Обрели» церковники также 32 «святых гвоздя» Христа, хотя римляне никогда не прибивали осужденных, а привязывали к кресту веревками или цепями. Один такой гвоздь имелся в московском Успенском соборе. В г. Аахене показывают «святой молоток», которым воины будто бы прибивали Иисуса. Имеется еще 6 экземпляров «святой губки», с помощью которой воины будто бы поили Христа на кресте; одна из них была в московском Благовещенском соборе. «Святых копий» Иисуса известно около 15; «святых хитонов» его — 5; саванов — «плащаниц» Христа 10 и масса еще «капель святой крови его».

Ограничимся перечнем хотя бы этих «святынь» от Христа, а их на самом деле неизмеримо больше. Такие же «святыни» церковники показывают и от сказочной «богородицы».

В полутора десятках храмов они показывают верующим, например, «святые волосы» богородицы, причем волосы эти — разного цвета: то черные, то рыжие, то светлые. Патриарх антиохийский Макарий всучил за «соболи и деньги» царю Алексею Михайловичу среди разных «святынь» также «волосы пресвятой богородицы». В церкви Мельезэ (Франция) показывают верующим «святые ногти» богородицы. В 17 церквах церковники хвастаются обладанием бутылок с «молоком богородицы», не говоря уже о массе отдельных капель ее «молока» в других храмах, как будто богородица была дойной коровой. В Жоссе, в Оверни, в Эбрахском монастыре они преподносят на поклонение верующим также грязные тряпки с «кровями святой девы».

Можно было бы подумать также, что богородица была большой щеголихой и модницей, обладала большим набором одежды и обуви. Церковники «обрели», например, 2 гребенки богородицы, 2 ее чепчика, 9 покрывал, 4 нижних рубашки, 21 платье, которые называются «ризами богородицы», 10 поясов, несколько башмаков и сандалий разного размера и фасона. Кроме того, они показывают еще хлеб, кружку, кресло, цветок, кольца, купель, постель и саваны богородицы.

В Италии, в местечке Лоретто, церковники показывают верующим даже целый «домик богородицы» с полной обстановкой, будто бы чудесно перенесенный туда ангелами по воздуху из Назарета. Этот «святой домик» приносит местным церковникам огромные доходы, тем более, что они спекулируют там еще и на «чудотворной» иконе богородицы.

От Иоакима — дедушки Христа церковники обрели только два тела, одно теперь — в Болонье, другое — в Кёльне. От Анны — бабушки Христа «нашлось» два цельных тела (в г. Э и в соборе Ильской богоматери, около Лиона) и дополнительно еще 6 голов и третья пара рук. От Иосифа-плотника церковникам удалось найти только обручальное кольцо, чулки детского размера, туфли, посох и «ох!», т. е. вздох, вылетевший у него однажды при тяжелой работе; вздох этот кем-то был пойман и заключен в бутылку. Супружеские рога Иосифа от святого духа где-то затерялись...

В одном из иерусалимских монастырей показывали «палец св. духа», а в церкви г. Перигё—«чих св. духа», из чего следует, что св. дух порой страдал от насморка. От благовестника Гавриила сохранилось только одно перо из крыла; злые языки утверждают, что архангел потерял это перо то ли во время выполнения деликатного поручения св. духа относительно девы Марии, то ли во время «объяснения» с ее мужем — плотником Иосифом.

От Иоанна Крестителя, мощи которого будто бы были целиком сожжены «язычниками» при императоре Юлиане (IV в.), церковники все же сумели отыскать в общей сложности 6 экземпляров пепла от тела, 13 отдельных голов, 9 правых рук, 58 пальцев и массу еще более мелких «святынь». Голова апостола Петра хранится в Латеранском соборе, тело же его будто бы папа Сильвестр рассек на две части и поместил в римские соборы Петра и Павла. Это не мешает церковникам многих других местностей показывать у себя отдельно «мощи» этих апостолов.

От апостола Андрея Первозванного нашлось только 3 тела, 4 головы, 18 рук и кое-какая «мелочь». От Иуды-предателя церковники «обрели» около десятка сребренников, часть которых можно видеть в Истринском и Загорском антирелигиозных музеях, пустой кошелек, фонарь и кусок веревки, на которой будто бы повесился этот евангельский провокатор. От апостола Варфоломея уцелело только 5 тел, кожа с тела (в г. Пизе), 14 рук и в двух экземплярах необыкновенной величины половой орган, будто бы исцеляющий женщин от бесплодия; этими «святынями» лечат женщин церковники Трира и Аугсбурга.

Ограничимся хотя бы этими немногими примерами. Так ли они убедительно свидетельствуют в защиту историчности Христа и его близких, как это утверждают церковники, — судить об этом предоставляем самому читателю.

Причины написания евангелий и историзации Иисуса

Как мы теперь убедились из разбора раннехристианской литературы и нехристианских произведений I—II вв., Иисус Христос является личностью неисторической, сказочной, божеством, которое лишь постепенно было наделено чертами человека и исторического деятеля, причем историзация Иисуса нашла свое отражение в евангелиях. Спрашивается, почему произошло такое превращение Иисуса из божества в богочеловека и даже человека, а также почему и в каких целях были написаны во II в. евангелия, где эта историзация впервые была проведена?

В первой половине II в. между христианством и иудейской религией произошел окончательный и полный разрыв. Не отказываясь от вербовки сторонников себе среди иудеев, христианство еще шире развернуло тогда свою пропаганду среди «язычников» и находило среди них все больше последователей, которых гнали к нему социальные условия того времени. Христианская пропаганда ставила ряд неотложных задач перед проповедниками и писателями в отношении как иудеев, так и «язычников».

В борьбе с правоверными иудеями христиане не раз должны были слышать и слышали их нападки и возражения относительно учения и личности Иисуса как мессии-христа. Иудеи указывали, что об Иисусе и его искупительной деятельности ничего не известно, не известно даже, приходил ли он на землю, каково было отношение его к ветхозаветному закону, почему христиане устами авторов «Павловых посланий» объявляют этот закон уже отжившим и отмененным с приходом Христа и т. д. Особенно странным и прямым «соблазном» казалось иудеям учение христиан о позорной смерти мессии на кресте.

На все эти возражения и вопросы должны были ответить евангелия. Отсюда у евангелистов в отношении иудеев была задача — показать и доказать на самом ветхозаветном «писании», что именно на Иисусе осуществились все мессианские обетования божии, что именно он был долгожданным мессией — спасителем, что именно через него утратил силу «ветхий завет» и старый «закон» и бог дал людям «новый завет» и новый «закон», открыл им новые пути его познания и спасения.

Для всего этого христианским пропагандистам и авторам мало было уже отвлеченных и туманных религиозно-философских и догматических доводов «Павловых посланий». Требовалась цельная и связная «история» земной жизни новоявленного мессии-христа, где он выступал бы одновременно человеком и существом высшего порядка, превзошедшим всех ветхозаветных деятелей иудейской древности. Это послужило одной из причин написания евангелий и историзации Иисуса.

После разрыва с иудеями христианская пропаганда была направлена главным образом в сторону «язычников», из которых многие еще до того склонялись к иудейской религии, частично или полностью ее принимали и были «прозелитами» — обращенцами. Для того чтобы завербовать их, требовался наряду с соответствующим учением и культом еще такой образ божества, для них нового, который был бы им понятен, доступен и близок.

Широкие народные массы «язычников» отнюдь не считали, что существует какая-то непроходимая пропасть между богами и людьми. Свои божества они представляли себе в человеческом виде и даже в человеческой плоти, наделяли их человеческими страстями, рассказывали о их жизни и приключениях на земле.

Когда в греко-римскую религию проникло множество культов различных чужих богов, «небо» этой религии оказалось заселенным самой пестрой по национальности толпой таких богочеловеков, причем «пришельцы» оттесняли собой на задний план главных и исконных богов Олимпа. Это обстоятельство остроумно высмеял уже упоминавшийся нами тогдашний автор Лукиан в своем произведении под заглавием «Собрание богов». В нем он рассказывает, как однажды сами боги на небе, испугавшись засилия массы новых божеств из людей и даже из иностранцев, устроили специальное собрание и постановили провести в своей среде «чистку».

«Ввиду того, — говорится в постановлении богов, — что многие чужеземцы, не только эллины (греки), но и варвары, отнюдь не достойные делить с нами права гражданства, неизвестно каким способом попали в наши списки, приняли вид богов и так заполонили небо, что пир наш стал теперь похожим на сборище беспорядочной толпы, разноязычной и сбродной, что начало нехватать амбросии и нектара, и кубок стал стоить целую мину из-за множества пьющих; ввиду того, что они самоуправно вытолкали богов древних и истинных, требуя первых мест, вопреки отцовским обычаям, и желая большего почитания на земле, — постановил совет и народ (богов) созвать собрание на Олимпе, чтобы пересмотреть списки и удалить с неба незаконно пробравшихся туда новых богов из людей» [1].

Итак, «язычники» знали множество своих богов и полубогов, которые будто бы некогда жили и действовали на земле во плоти и образах людей, частенько сходили на землю в человеческом виде, совершали здесь различные деяния, в том числе и чудеса, причем некоторые из них будто бы даже умирали на земле, затем воскресали и возносились на небо.

---

[1] Лукиан. Соч., т. I, стр. 497—504. Изд. «Академия», 1935 г.

Но все эти божества или богочеловеки языческих религий и мифологий были как-то далеки от людей, мало жили их нуждами и интересами, особенно интересами широких народных масс и рабов. Кроме того, подавляющее большинство этих небожителей было божествами господствующих классов и императорской власти, т. е. тех, от кого приходилось страдать бедноте и рабам, всем этим «труждающимся и обремененным».

Дать яркий, наглядный, близкий по характеру и доступный для понимания этих «язычников» образ Христа, наделить его индивидуальными человеческими чертами, не умаляя вместе с тем и его божественной природы, низвести его на время с неба на землю, связать с определенной исторической обстановкой, развернуть дело его искупительного подвига и учения в цельную, связную историю и т. д. — вот что было второй целью написания евангелий и историзации Иисуса.

Но это было еще не все: наряду с интересами религиозной пропаганды имелись еще причины внутреннего порядка, связанные с с теми крупными изменениями, которые происходили и произошли тогда внутри самих христианских общин в связи с развитием культа, церковной организации и вероучения.

Отрицая вначале все национальные религии и их обрядность, христианство потом само стало нуждаться в культе, как существенном элементе всякой религии. В начальный период, как мы видели, христианский культ был прост. Часть христиан из евреев продолжала еще держаться некоторых предписаний моисеева «закона». Большинство же христиан соблюдало только еврейские праздники — пасху и пятидесятницу, праздновало свой еженедельный «день господень» и отмечало его общинными собраниями и трапезами.

Постепенно культ этот стал усложняться за счет заимствования обрядов из других религий. Так, с конца I в. появились, а во II в. заняли уже видное место в христианских общинах таинства водного крещения и причащения хлебом и вином, заимствованные из эллинистических культов. Таинство причащения стало соединяться с «днем господним», и постепенно вырабатывалось сложное церковное богослужение — «литургия», или обедня.

Пасха потеряла свои прежние иудейские черты, слилась с эллинистическими праздниками «смерти и воскресения» растительных божеств и сделалась главным христианским праздником. При этом часть христиан заимствовала для нее и «языческую» весеннюю дату — 25 марта. Иудейская пятидесятница превратилась в христианскую «троицу», в обоснование чего была создана сказка о «сошествии святого духа на апостолов».

Тогда же христиане египетской Александрии заимствовали местный эллинистический праздник «богоявления» Сераписа-Озириса и превратили его в свой тройной январский праздник «рождества, крещения и богоявления» Иисуса. Их примеру последовали другие христиане, особенно тех местностей, где существовал такой же январский праздник «богоявления» Диониса.

Возможно, что из египетского культа христиане заимствовали в то время также почитание креста как фетиша — священного пред-

мета и магического знака, будто бы отгоняющего злых духов и дарующего счастье, здоровье и жизнь.

Такова была новая культовая практика у христиан II в. Она требовала обоснования в мифологии жизни Иисуса, и эту задачу выполняли евангелия.

Ведь чтобы объяснить происхождение различных новых обрядов, таинств, праздников и т. д., подвести под них историческое обоснование, связать их с именем, личностью и деятельностью Христа, освятить их таким образом, оформить и узаконить их, сделать общеобязательными, — для этого нужна была обстоятельная земная история Христа, которая и нашла свое выражение в евангелиях.

Кроме того, образовавшийся внутри христианских общин клир и поддерживаемая им новая церковная организация тоже старались освятить и утвердить свое влияние и власть ссылками на авторитет «самого» Иисуса Христа, а также на «писание». Особенно домогались этого епископы, ставшие полновластными хозяевами в своих церковных общинах.

В интересах клира было показать, что этот новый церковный строй был установлен еще самим Христом на земле, что епископы, пресвитеры и диаконы являются прямыми преемниками Христа, его апостолов и их учеников, что они поэтому в первую голову и исключительно обладают «благодатью святого духа» и всеми административными правами и имеют преимущественное право жить за счет общины мирян и распоряжаться ее имуществом.

Для этого опять-таки надо было свести Христа на землю, превратить его в историческую личность, поставить его в определенную историческую обстановку, окружить его ближайшими апостолами и их учениками, выставить их единственными обладателями учения Христа, приписать ему организацию первой общины в строго иерархическом и церковном духе, т. е с передачей своей божественной власти, по преемственности, апостолам, а через них — епископам.

Кроме того христианам надо было установить для себя какие-то правила поведения, найти ответы на всю ту массу вопросов, которые выдвигала перед ними социальная жизнь того времени и условия рабовладельческого общества. Ответы на эти вопросы различными христианами, в зависимости от того, кем они были по своей национальности, общественному положению, прежней религиозной принадлежности и т. д., давались различные, причем часто освящались именем и авторитетом Христа или «писания».

С установлением единой и единообразной церковной организации такой разнобой в вероучении был уже нетерпим, требовалось и здесь какое-то единообразие, освященное опять-таки примером и личностью небесного «главы церкви». Для этого надо было выработать какой-то единый новый образ Христа, поставить Христа в земные условия, столкнуть его с необходимостью ответа на ряд жгучих вопросов, приписать ему те или иные ответы и таким образом освятить их, сделать общеобязательными, выставить их догмами вероучения и нормами поведения для всех верующих.

Все это тоже выдвигало необходимость составления евангелий и историзации Иисуса.

Наконец, евангелия необходимы были христианам для богослужебных целей: для зачитывания их на собраниях христиан, которые ставили себе в это время уже задачей создание своей священной литературы, своего «писания», своего «нового завета» в дополнение и в противовес иудейскому «ветхому завету».

В итоге стала появляться и множиться евангельская литература, причем церковь позднее, в IV в., из всей массы евангелий отобрала только четыре и только их она объявила «каноническими». Как удалось авторам этих евангелий справиться со своей задачей в деле историзации сказочного божественного спасителя Иисуса Христа, — это мы видели при разборе их рассказов о его рождении, чудесах, смерти, воскресении и вознесении на небо.

Заключение

Мы пришли к концу.

Нам остается выяснить значение вопроса о евангельском Христе.

Правильное решение вопроса об историчности Иисуса натолкнулось на отчаянное сопротивление церковников.

Церковники никак не могут отказаться от евангельских сказок, при помощи которых они старались и стараются одурачить и поработить народные массы.

Многие церковники хорошо знали, что Христа никогда не было. 700 лет назад «святейший, непогрешимый» папа римский Бонифаций VIII заявлял:

«В евангелиях больше лжи, чем истины. Непорочное зачатие — нелепость. Земное воплощение сына божия — смехотворная глупость. Догмат о пресуществлении тела и крови — просто вздор. Всем поколениям известно, сколько денег доставила нам эта сказка о Христе».

Французский писатель Лео Таксиль, бывший иезуит, прекрасно изучивший документы католической церкви в Ватикане, заявляет: «Эти изречения установлены по собственноручным записям папы Бонифация VIII в подлинных документах»[1].

Послушаем, что говорят о Христе современные богословы.

Один из этих богословов — Кальтгоф доказал, что богословские исследования в защиту исторического Христа основаны на фальсификации евангелий. Он говорит:

«Большинство представителей так называемого современного богословия применяют в своих исследованиях старый излюбленный способ: они вырезают ножницами из евангелий мифологический вздор и уверяют, будто все оставшееся есть историческая истина»[2].

Немецкий богослов Вреде признает, что историчность Иисуса защищается попами при помощи искажения евангелий. «Они вырезают невероятные сообщения и стараются истолковать евангелие так, чтобы подтвердить именно те факты, которые тре-

---

[1] Лео Таксиль — Священный вертеп. 1930 г. Стр. 219.
[2] Кальтгоф — Проблема Христа. Нем. изд. 1904 г. Стр. 27.

бовалось доказать. Здесь господствует полный произвол. Каждый богослов подбирает только те места, которые подходят к его представлению о воображаемых исторических фактах, а все остальное отбрасывает. При этом они не обращают внимания на то, что значение слов и смысл евангелий подвергаются полному искажению»[1].

Попытки примирить религию с наукой путем подделки евангелий и выбрасывания из них наиболее вопиющих нелепостей закончились полной неудачей. Церковники сами разоблачили себя и вынуждены были признать, что рассказы евангелий о Христе несовместимы с исторической действительностью.

Вопрос об историчности Иисуса давно решен в отрицательном смысле. Но старые буржуазные ученые не в состоянии были или не хотели материалистически объяснить классово-реакционную роль мифа о Христе. Эта заслуга всецело принадлежит великим основоположникам марксизма-ленинизма.

Когда умер Бруно Бауэр, убедительно доказывавший лживость евангельских сказок о Христе, Фридрих Энгельс писал в посвященном ему некрологе:

«С религией, которая покорила Римскую мировую империю и в течение 1800 лет господствовала над значительнейшей частью цивилизованного человечества, нельзя разделаться, просто объявив ее состряпанной обманщиками бессмыслицей. Чтобы ее понять, необходимо суметь объяснить ее происхождение и ее развитие из тех исторических условий, при которых она возникла и достигла господства»[2].

Великая заслуга марксизма-ленинизма в разоблачении поповских выдумок о евангельском Иисусе заключается прежде всего в том, что он, разоблачив классовую сущность религии как «опиума народа», вскрыл также реакционный характер сказки о небесном спасителе. Он доказал, что контрреволюционная поповщина использует евангельского Христа для того, чтобы отвлекать народные массы от революционной борьбы против эксплоататоров.

Другая великая заслуга марксизма-ленинизма заключается в разоблачении попыток заменить евангельские мифы о Христе новой, более утонченной поповщиной.

Разоблачение евангельской сказки о Христе разрушает важнейшие церковные догматы, показывает бессмыслицу церковных таинств, раскрывает нелепость и вредность праздников, установленных в память событий мнимой земной жизни Христа, доказывает классовую реакционность так называемого нравственного учения Иисуса, наносит удар всей системе церковного обмана. Многие буржуазные ученые, вынужденные признать несостоятельность сказки о Христе, пытаются спасти религию, придумывая новую поповщину, которую стараются примирить с наукой.

В. И. Ленин говорит об одном из таких «ученых мракобесов», Древсе, следующее:

---

1 Вреде — Тайна мессианства в евангелиях. Нем. изд. 1901 г. Стр. 85.
2 Энгельс — Бруно Бауэр и раннее христианство. Соч., т. XV, стр. 602.

«Это — реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплоататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками»[1].

Наконец, третья великая заслуга марксизма-ленинизма заключается в указании задач борьбы против всякой религии, в том числе и против христианства и мифа о Христе как идейного оправдания и освящения общественного строя, основанного на угнетении и эксплоатации.

В статье «Коммунизм «Рейнского обозревателя» Маркс говорил: «Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также в случае нужды защищать, хотя и с жалкой гримасой, современное угнетение пролетариата»[2].

Христос освящает покорность, придавленность, забитость, одиночество рабов капитала.

В эпоху, когда широкие трудящиеся массы в странах капитала уже не ищут спасения и забвения от страданий в религиозном дурмане, а в революционной борьбе против своих эксплоататоров обращают свои взоры к подлинному отечеству всех угнетенных — к Советскому Союзу, — кровавые фашисты постарались фашизировать и самого Христа.

Евангельский Иисус оказался вполне пригодным и для освящения власти фашистских разбойников. Услужливые богословы тотчас же переделали Христа в подлинного арийца, представителя северогерманской расы и приспособили его для оправдания фашизма. Они сочинили длиннейшую родословную Христа и его потомков от сотворения мира до Гитлера.

Какой-то фашист написал толстую книгу в несколько сот страниц с изложением родословной «фюрера» от самых древнейших времен. Христос и «фюрер» оказались, так сказать, родственниками.

Фашистские изуверы выдали евангельскому мифическому Иисусу такой же «арийский паспорт», какой выдается у них в полицейских участках так называемым подлинным германцам. Они выудили из евангелий доказательства, что Иисус не еврей, а потомок довавилонских, досемитских завоевателей Востока. Из противоречивых и путанных евангельских сказок фашисты выкроили Христа по образу своему и подобию: вдохновителя расовой травли и еврейских погромов.

Вот почему марксизм-ленинизм не ограничивается простым отрицанием евангельских искусственно состряпанных бессмыслиц. Он показывает народным массам теснейшую связь евангельского Иисуса с социальным строем капитализма и неразрывно связывает разоблачение евангельских нелепостей с революционной борьбой против капитализма, против угнетательского строя, освящением и увенчанием которого был и остается мифический Христос.

---

[1] Ленин. Соч. т. XXVIII, стр. 185.

[2] Маркс и Энгельс. Соч., т. V, стр. 173

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 35 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

в книжные магазины Когиза и райкультмаги потребкооперации. Почтовые заказы адресуйте без задатка в областные (краевые) отделы „Книга-почтой“ Когиза.

UNIVERSITY OF CHICAGO
50 707 943